

РОМАНТИКА
КОСМОИМПЕРИИ

*Обыкновенные
судьбы*

Империя Объединённых территорий

Коллектив авторов

**Романтика космоимперии.
Обыкновенные судьбы**

«Издательство Реноме»

2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коллектив авторов

Романтика космоимперии. Обыкновенные судьбы / Коллектив авторов — «Издательство Реноме», 2021 — (Империя Объединённых территорий)

ISBN 978-5-00125-378-5

Империя Объединённых территорий – это кусочек космического пространства нашей Галактики, где больше ста звёздных систем. Содружество планет, связанных между собой единым прошлым, разобщённых шатким настоящим и стремящихся к слиянию в будущем. Здесь летают в космос, ищут древние порталы, совершают открытия, плетут интриги, любят и ненавидят империане разных рас: зоггиане, глионцы, дорлитарцы, уайлиане, томлинцы, лорепиане, осторцы, видийцы, горайды, вионцы и многие-многие другие.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00125-378-5

© Коллектив авторов, 2021
© Издательство Реноме, 2021

Содержание

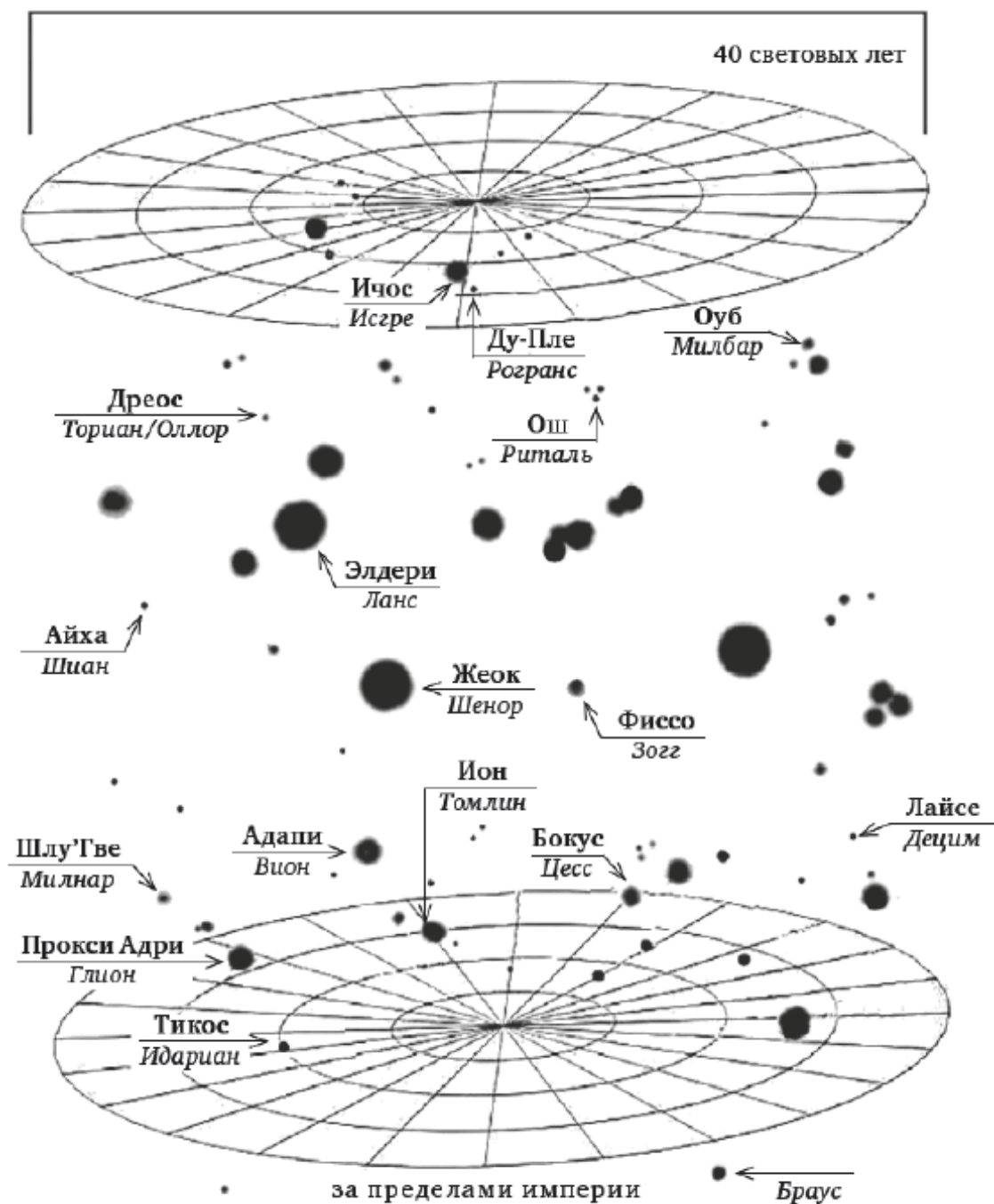
Карта Империи Объединённых территорий	5
Ольга Копылова	8
Дан Линг	42
Евгения Шагурова	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эль Бланк

Романтика космоимперии

Обыкновенные судьбы

Карта Империи Объединённых территорий

© Эль Бланк, составление, 2021

© Авторы, 2021

© Оформление. ООО «Реноме», 2021

Ярко освещённое пространство зала ожидания главного космопорта на орбите Ритали, практически пустое из-за отсутствия пассажиров, просматривается идеально. За прозрачными стенами, где швартуются корабли, круизный лайнер «Долити» медленно и важно отдаляется от гибкого рукава-шлюза, а я нервно и сердито кусаю губы. Не успела! Мне пары минут не хватило, чтобы с последней волной туристов попасть на корабль.

И теперь, забившись в тесное пространство между каркасом лестницы и стеной, я лихо-радочно ищу новый путь спасения.

Купить билет и ждать следующего лайнера? Но согласно расписанию полётов он только через сутки здесь появится. Значит, не вариант. Времени катастрофически мало, меня вычислят намного раньше.

От оглушающего топота где-то наверху сильнее вжимаю голову в плечи, а заглянув в щель между ступенями, стараюсь максимально слиться со спасительной темнотой. Ведь рядом оказываются те, от кого я до недавних пор успешно скрывалась.

– Засекли? – раздаётся уверенный, привыкший отдавать приказы голос.

– Нет, но за пределы станции ей не выбраться: выходы заблокированы, посты расставлены. На лайнер она вряд ли проскочила, но мы на всякий случай предупредили их службу безопасности. Если её найдут там, то нам сообщат.

– Отлично. Контроля не ослаблять.

Голоса постепенно стихают, а я в отчаянии пару раз прикладываюсь головой об стену. Дихол! Вот и как выбраться?

Почти без надежды осматриваюсь, убеждаясь – притвориться беспечной опоздавшей пассажиркой не получится. Как слиться с толпой, которой нет? Сейчас в зале безопасников больше, чем посетителей. И все они знают меня в лицо... Изменить внешность не получится, переодеться не во что. Да и навыков спецагента у меня нет. Я ведь журналист, а не шпионка.

Делаю единственное, что могу в этой ситуации: сняв тонкую вязаную кофточку и туго скрутив волосы, прячу компрометирующие меня прядки под импровизированный головной убор. Мода разная бывает...

Но что дальше? Что делать дальше?!

Вновь осмотрев зал, цепляюсь взглядом за империанина, приближающегося к моему убежищу. Высокий тёмно-русый шатен, расовую принадлежность которого сразу и не определишь, одетый в коричневую кожаную униформу экипажа транспортного судна, идёт неторопливо, больше присматриваясь к тому, что держит в руках, нежели к окружающему миру. А несёт он приоткрытую канистру с чем-то резко пахнущим – вон как морщится и смотрит на содержимое с подозрением.

Что же у него там?! На мгновение вспыхнувшее профессиональное любопытство подавляет даже чувство опасности. Впрочем, подсознание куда быстрее находит решение, и я, не рассуждая, бросаюсь вперёд.

Секунда, удар, запоздалое негодующее восклицание мужчины, моё потрясённое «ай», руки, пытающиеся поймать выскальзывающую ёмкость...

– Вы... вы... – я, задыхаясь, смотрю на себя, перепачканную в какой-то гадости. – Вы что наделали?!

– Я? – теряется от моего напора неизвестный, но тут же замолкает, потому что спорить с рыдающей навзрыд женщиной, к тому же намертво вцепившейся в его руку, он явно не умеет. Лишь беспомощно бормочет что-то невразумительное. Видимо, в попытках успокоить меня или себя.

И всё же в итоге делает то, на что я надеялась, – сняв куртку, набрасывает мне на плечи и, приобняв, потому как от волнения меня ноги не держат, ведёт в неизвестном направлении.

Молодец, соображает, что афишировать происшествие – не вариант. Проще договориться с пострадавшей в частном порядке, чем впутывать местную службу обеспечения комфорта пассажиров. Наверняка жалоба плаксивой фиссы сказалась бы на его репутации и благосостоянии.

Я же, уткнувшись носом в плечо спасителя, продолжаю самозабвенно рыдать, краем глаза наблюдая за дорогой. Мысленно хихикаю, когда мы проходим мимо охраняющих выход безопасников, которые точно не ожидают увидеть объект своих поисков в роли излишне эмоциональной любовницы, провожающей своего мужчину в путь. Но и в коридоре спектакль не прекращаю – здесь моих преследователей тоже хватает...

Кстати, а куда он меня ведёт?

Оказалось, в место, которое не устраивает меня категорически, и потому приходится истерику усилить. «Ужасно! Эту дрянь не оттереть! Вещи на выброс! Какой такой “туалет и стирка”? Я что, голая и мокрая оттуда выйду! Это неприлично!»

И в обморок. А что? Переволновалась, имею право. Да и терять мне особо нечего. Шансто, по сути, единственный. Ну а то, что не слишком удобно быть перекинутой через плечо, потому как другой рукой мужчина держит, вероятно, ценную канистру, – перетерплю. И на любопытно удивлённое восклицание «Хафит, ты кого подобрал?» не среагирую. И даже раздражённое «Да вот... свалилась на мою голову!» тоже проигнорирую. Лишь когда пойму, что осталась в одиночестве, не слишком аккуратно скинутая на кушетку, открою глаза.

Каюта. Простая, лаконичная по дизайну: стол, стул, несколько закрытых шкафов-ниш, приоткрытая дверь в комнату гигиены, иллюминатор... Я тут же к нему бросаюсь с надеждой, что корабль в космосе, но разочарованно выдыхаю. Мы на причале станции – я чётко вижу один из фиксирующих захватов. Ну хоть сама не под арестом – уже плюс.

Осмотрев окружающее пространство, решаю выглянуть в коридор, да только дверь заблокирована. Похоже, у моего спасителя есть более важные занятия, чем меня караулить. Или же он решил, что так будет безопаснее. Вот только для него или для меня? Неужели думает, что я могу доставить неприятности и что-то сломать или испортить? Ну уж нет! Усугублять ситуацию и вредить себе ещё больше я не намерена.

И ведь даже не сказал, как быстро вернётся! Ну и пусть. Я никуда не тороплюсь. И вообще, у меня целых две проблемы. Первая – испачканная одежда. Но я её решаю быстро, обнаружив в ванной халат. Сменив на него своё платье, а волосы спрятав под полотенцем, не менее активно берусь за вторую проблему.

Портативный вильюер... Шедевр инженерной мысли размером с четверть ладони. Самое дорогое, что я обязана сберечь любой ценой, и одновременно причина всех моих злоключений. Надеюсь, он не пострадал от контакта с этой дрянью.

С беспокойством присматриваюсь к испачканной поверхности и тщательно стираю липкие грязные разводы. Включив воспроизведение, с облегчением выдыхаю, увидев, как в воздухе формируется голопроекция. Работает!

Ольга Копылова
Любовь как провокация

Любовь как провокация

Фисса Лийли Яла Олиин, я благодарен судьбе за нашу встречу. Прошу принять этот скромный дар, который не идёт ни в какое сравнение с вашей красотой, и стать моей фавориткой.

Мужская рука, сжимающая оранжевый цветок, поднимается, протягивая его милостивой девушке – красноволосой, сиреневоглазой, улыбчивой. Определённо весёлый, живой у неё характер. Да и платье под стать владелице – такое же броское. Корсаж насыщенного алого цвета выглядит оригинально в сочетании с многослойной тёмно-фиолетовой юбкой, особенно если учитывать пристрастие фисс империи по большей части к однотонным нарядам. Наверное, поэтому империанка кажется яркой и вызывающей на матово-белом фоне бушующего позади неё океана.

– Ну как? Чушь, да? – оборачивается ко мне Гриус, одним движением выключая экран.

Портрет красавицы-лансианки исчезает, а я пытаюсь брата успокоить:

– Почему сразу «чушь»? Нормальные фразы, стандартные для церемонии.

– Я себя дорадой чувствую, – шипит он раздражённо и тем не менее аккуратно убирает цветок в контейнер из прозрачного стекла, стоящий на низком столике белого камня у его ног. – И ведь это при всех говорить придётся!

– Так не говори, раз тебе не хочется, – пожимаю плечами. Оттолкнувшись от подоконника, подхожу и опускаюсь на колени, чтобы посмотреть, как контейнер заполняется белёсым туманом, консервирующим и не позволяющим цветочку завянуть раньше времени. – Разве тебя могут заставить?

– Дихол! В том-то и дело, что не могут! – всё равно сердится Гриус, взъерошивая светлые волосы. – А сказать придётся, потому что я обязан действовать в интересах империи. Недопустимо разбрасываться союзниками в нынешней ситуации. Дружеские отношения Ланса с Томлином жизненно необходимы.

– Их нельзя наладить иначе? – скользнув пальцем по холодному стеклу, я поднимаюсь и присаживаюсь на диванчик, продолжая расспросы: – Разве это единственный способ – принять сестру короля Ланса в свою семью? И вообще, с чего такие крайности? Почему ты обязан соглашаться? Ланс же и так лоялен к империи.

Ответ получаю не сразу. Почти минуту брат молчит, стоя ко мне спиной и изучая пейзаж за окном – пустыню и темнеющее небо, окрашенное в оранжевые тона закатного Иона. Я же лениво скользя взглядом по гостиной, где всё привычно и знакомо: песочного цвета стены, лёгкий золотистый тюль, развевающийся от залетающего в проём лёгкого тёплого ветра, уютные кресла и диванчики с коричневой обивкой, бежевый ковёр с разбросанными по нему разноцветными подушками. Не тороплю, понимаю, разговор наш больше нужен ему, чем мне. Это, разумеется, не исключает моего любопытства, но поддержать Гриуса важнее. Ведь я всего лишь принцесса, а он – будущий король.

– Лоялен до тех пор, пока лансианам это выгодно, – наконец слышу объяснение. – А выгода исчезнет, и от союзника останется пшик. Так что годятся любые способы, чтобы этого избежать.

– Изумительный способ – вручение церемониального цветка, – не удерживаюсь я от язвительного замечания.

– А куда деваться, если ош'Лак решил удачно пристроить свою родственницу? – брат оборачивается, и теперь его карие глаза смотрят на меня удивлённо. – Остаётся сказать спасибо, что не потребовал взять её в жёны.

Развожу руками, соглашаясь. Ушлым и предприимчивым оказался правитель лансиан. Точно всё рассчитал. Интересно, а о чувствах своей сестры он подумал?

– Мне Лийли жаль, – расправляю я складки на юбке, маскируя смущение. Разговор, начавшийся с простой просьбы помочь, то есть побыть в роли зрительницы, от которой брату нужна была всего лишь моральная поддержка, постепенно перешёл на личности, а это уже выходит за рамки ненавязчивого совета. Настолько личных вопросов мы старались не касаться: это же брат, а не моя подружка. – Её мнением, скорее всего, король даже не поинтересовался. Мало того, что она фавориткой станет, не имея к тебе влечения, так ещё и будет вынуждена жить на планете, где всё ей чуждо.

– Возможно, вы подружитесь? – с надеждой предполагает Гриус. – Ты поможешь ей освоиться на Томлине?

Уверенно киваю, радуясь, что слова про влечение он пропустил мимо ушей. Намеренно? Не знаю. Может, ему тоже неловко? Обычно фавориткой становится девушка, которая мужчине очень-очень сильно нравится, больше остальных, хотя он и не теряет голову от любви. А тут об этом и речи нет – они ведь раньше ни разу не встречались. Гриус о самом существовании Лийли узнал лишь вчера, когда с Ланса поступила депеша с предложением.

Быстро, однако же, брат решил его принять...

– Ой, – спохватываюсь, – а ты украшение с томлитонитом для неё подобрал? Цветок – это замечательно, но от радиации он не защитит.

– Нет, не успел ещё... А что? – мгновение растерянности быстро сменяется подозрением.

И правильно, потому что я едва ли не подпрыгиваю от нетерпения. Ведь... Украшения! Драгоценности! Я же их обожаю! Меня из родительской сокровищницы в детстве с трудом уводили, а если я терялась, то шли искать именно туда.

Оттого и предлагаю торопливо:

– Хочешь, я выберу? Самое-самое красивое! Клянусь! Что ты предпочтёшь на ней видеть? Ожерелье, кулон или браслет? Или заколку?

– Самое-самое красивое будет у моей жены, – строго грозит мне пальцем Гриус. – А фаворитка, я надеюсь, только до свадьбы со мной пробудет. Так что найди что-нибудь попроще, но солидное, чтобы не было потом претензий от её лансианских родственников. М-м-м... Браслет, наверное.

– Браслет так браслет, – успокаиваюсь я и вспоминаю: – Тем более кулон у Лийли, как у любой имперянки, наверняка личный есть.

Невольно приложив ладонь к груди, скольжу пальцами по цепочке и оглаживаю небольшой круглый кристалл, похожий на глаз крага. Это мой кулон. Я отдам его любимому мужчине, от которого захочу ребёнка. Наверняка лансианка поступит так же, и... И пусть мой брат окажется прав! Пусть эта девушка останется для него лишь временной спутницей, а настоящее счастье он найдёт здесь, на Томлине, и оно не будет омрачаться вынужденной необходимостью делить любовь между двумя женщинами.

Своё обещание брату я выполнила. Перерыла всю сокровищницу, отыскивая то, что смотрится внушительно, но высокой ценности не представляет. Семейные реликвии сразу в сторону отложила... Гм... Ладно, признаюсь! Я их сначала на себя примерила. А что такого? Это моё право, пока имею прямое отношение к династии цу'лЗаров. Окажись я замужем, другое дело. Тогда у меня будет личное хранилище, такое же, как сейчас у нашей с Гриусом старшей сестры.

В общем, раритетные вещицы дня за три были мной рассортированы. На остальное я потратила ещё два дня. Не потому, что таких украшений было меньше, просто не все мне нравились настолько, чтобы долго ими любоваться.

Кстати, браслет я обнаружила быстро, но для очистки совести перебрала и всё оставшееся. Ну а вдруг?!

«Вдруг» не случилось. Зато моя душа преисполнилась чувства выполненного долга. Можно смело идти к Гриусу и отдавать ценную находку вместе с милыми безделушками и нужными для молодой женщины мелочами, делающими жизнь комфортнее, а апартаменты уютнее. Я ведь и их успела подобрать.

Брат наверняка даже не задумался об удобном зеркале, оригинальных заколках, нарядных гребнях. Мужчина, что с него взять! А девушке будет приятно наводить красоту с помощью изящных вещиц.

Осмотревшись в последний раз, я не удерживаюсь и прихватываю пару статуэток, изображающих крагов, – просто так, для красоты. Ящеры горделиво раскинули крылья прямо как живые. Их можно будет поставить на прикроватную тумбочку или подоконник. На фоне пустыни смотреться они будут шикарно!

Поместив всё добытое в коробку, понимаю – сама я такую тяжесть не подниму. Оттого и отправляюсь сначала на поиски носильщика, а потом следом за ним спускаюсь на второй ярус дворца, где обустраиваются комнаты для лансианки.

Именно там и нахожу Гриуса, беседующего с помощником по ремонту. Брат придирчиво изучает очередную картинку-проект, а наш дворцовый дизайнер убедительно доказывает свою состоятельность как специалиста.

– Ферт Гриус, я ориентировался на традиции и новые веяния лансианской моды и стиля. Согласен, на взгляд томлинца,

многое очень непривычно. Но такой колорит типичен для жилищ Ланса. Вот посмотрите – образцы тканей и отделки.

Я тоже заглядываю в стоящий на полу контейнер, рядом с которым носильщик поставил мою коробку. Глазам непросто воспринять сочетания непривычных оттенков: сочных, насыщенных, контрастных. Ярко-красное, бордовое, пурпурное в сочетании с идеально белым, чёрным, светло-серым... Ух! На мой вкус точно перебор. Нет, сами по себе цвета приятные, и даже мы их в интерьере и одежде используем, но... в разумных пределах! Здесь же явный избыток красок.

– Дихол! Амиала, а тебе как? – не выдерживает брат. – Они такие броские...

– Зато хорошо подходят к облику будущей владелицы комнат, – дипломатично рассуждаю, понимая, что Гриусу просто нужно сбросить эмоции. Он и сам прекрасно всё осознаёт. – В любом случае это будут её апартаменты, ты здесь находиться будешь не часто, а ей обстановка должна напоминать о родной планете. Нам комната нравиться не обязана.

– Ладно, – натужно выдыхает брат и кивает дизайнеру, – приступайте. У вас неделя на чистовую отделку. Постарайтесь всё закончить до моего отлёта. Я хочу заранее знать результат, а не увидеть его по возвращении.

Говорит Гриус строго, требовательно, совсем не радостно, видимо, думает о предстоящей церемонии. Ведь как бы он себя ни настраивал, чем бы ни оправдывал вынужденность согласия, данного лансианской правящей династии, всё равно приятного в происходящем мало.

– О чём задумалась, сестричка? – неожиданно интересуется брат, и я, сообразив, что мы остались наедине, спохватываюсь:

– О том, какой же ты счастливчик, – намеренно весело отвечаю, чтобы изменить его настрой и приободрить. И, видя изумлённо расширяющиеся глаза, смеюсь: – Я о путешествии! Ты побываешь на другой планете. Встретишься с представителями других миров империи.

Новые знакомства, новые впечатления... Вот бы мне туда! – мечтательно поднимаю глаза к розовому потолку, который скоро превратится в пурпурный.

– Не преувеличивай. Ты бывала на Вионе и всё видела, – отмахивается Гриус, раскрывая принесённую мной коробку и заглядывая внутрь.

– Пф! – возмущённо фыркаю в ответ. – Когда это было! В детстве. За два года до моего пятнадцатилетия! Тринадцать лет назад! И вообще, это было единственное путешествие на другую планету. Эх, мужчины, – укоризненно качаю головой, – у вас столько приключений в жизни в отличие от нас, женщин!

Если у брата и появляется намерение мне возразить, то сделать этого он не успевает. Неожиданно дверь распахивается, и в комнату буквально влетает раскрасневшаяся, запыхавшаяся Майра.

– Ами! – часто дыша, моя компаньонка хватается одной рукой за дверной косяк, другой за грудь. – Я тебя по всему дворцу ищу! Простите, ферт Гриус.

Взбудораженная, она не сразу вспоминает об этикете, так что короткий уважительный поклон делает с опозданием и виновато смотрит на моего брата, скользя пальцами по протянутой им руке. Мы же переглядываемся, не понимая причин.

– Что случилось? – на правах старшего интересуется Гриус.

– Фисса Дагрина и ферт Тогрис ждут Амиалу в королевском кабинете. Сказали, срочно.

Заинтригованная, я с той же поспешностью, что и Майра, поднимаюсь по лестницам, пересекаю парадный зал, ныряю в боковой коридор – там путь короче, чем через главный холл. Наконец попав в апартаменты родителей, глубоко вдыхаю, успокаивая лихорадочно стучащее сердце, толкаю дверь и шурюсь.

Днём в кабинете всегда светло. Здесь много окон и зеркал, отражающих заглядывающий в них розовый Ион, в каком бы положении на небе тот ни находился. Свой вклад вносят и золотистая драпировка на стенах, и белый сводчатый потолок, и мозаика из томлитонита на стене. Мама в этом царстве света, играющего бликами на воздушных, невесомых тканях её платья и наполняющего сиянием песчаного цвета волосы, смотрится изумительно – она ведь очень красивая и намного младше отца. Он женился совсем поздно, так сложились обстоятельства.

– Садись, дочка.

Помедлив, я всё же опускаюсь на диван рядом с родительницей. На стуле у стола, где разместился папа, мне точно будет неудобно, словно я в чём-то провинилась. А так кажется, что просто зашла проведать родителей.

– С Виона пришло ещё одно приглашение. На твоё имя, – уронив на столешницу плотный лист, который держал в руках, отец смотрит на меня задумчиво. Вернее, на нас обеих, потому что взгляд его постоянно задерживается то на моём лице, то на мамином, словно сравнивает.

– Э-м-м... Приглашение? – в растерянности я не сразу понимаю суть. И лишь когда вижу улыбку, скользнувшую по губам мамы, до меня доходит: – Я поеду вместе с вами? Неожиданно.

– Мы тоже удивлены, – продолжает папа. – Тем более состав делегации уже утверждён.

– Тогда почему меня ждут? Зачем? – я начинаю беспокоиться, ведь причины могут оказаться не самыми приятными. Вдруг ко мне есть какие-то претензии. Или же в отношении меня какие-то планы.

– В приглашении не указывают повод, дочка, – мягко поясняет мама, успокаивающе поглаживая мою руку. – Но я думаю... – она смотрит на папу и, когда тот разрешающе кивает, снова обращается ко мне: – Ты ведь уже знаешь, что Лийли станет фавориткой Гриуса. Уверена, императорской семье Виона об этом намерении тоже сообщили. В конце концов, это же в их дворце планируется провести церемонию.

– И?... – нетерпеливо ёрзаю я, торопя признание.

– В нашей семье ты, моя дорогая, единственная, кто идеально подходит на роль компаньонки для лансианки. И по возрасту, и по происхождению.

Фух... Камень с души. Стать наперсницей? Да запросто!

– С удовольствием буду помогать и сопровождать Лийли. Надеюсь, её характер не окажется вздорным и мы по-настоящему подружимся.

– Рад, что ты оптимистично настроена. – Отец одобрительно хлопает ладонью по столу и встаёт. – Ответственная у нас выросла дочь, Дагрина.

– Есть в кого. И Гриус несколько не уступает сестре. Готов на многое для благополучия империи и процветания Томлина, – улыбается мама, поднимаясь ему навстречу и протягивая руки.

Их ладони встречаются, соприкасаются тела, и губы отца дотрагиваются до маминого лба, даря краткую ласку. Даже морщинки под его глазами становятся менее явными, хотя во взгляде всё равно остаётся печаль. Ему сложно забыть девушку, в которую был влюблён задолго до свадьбы с моей мамой. Я же мечтательно на них смотрю, веря, что и мой избранник будет столь же внимателен и заботлив.

– Церемония выбора фаворитки назначена в завершение встречи, после заседания очередного имперского совета. И пройдёт перед самым отлётом, – не выпуская маму из объятий, говорит мне папа. – На Вионе мы пробудем три недели. За это время Гриус и Лийли успеют лучше узнать друг друга, а ты им в этом поможешь, потому что будешь лансианку сопровождать.

– А как же Майра? – спохватываюсь я. – Она поедет со мной? Мне ведь тоже нужно сопровождение. Или нет? – теряюсь, не понимая, как же теперь воспринимать мой статус и с какого именно момента он меняется.

– Нет, милая. Как только ты станешь наперсницей, тебе спутница будет уже не нужна, – качает головой мама. – Компаньонка у компаньонки – это перебор. Так что у Майры во дворце появится новый круг обязанностей, она получит другую должность.

– Во время перелёта, пока ты ещё в прежнем статусе, – объясняет папа, – рядом с тобой будет Гриус, а на Вионе ты станешь спутницей для Лийли.

– Ясно, – вздыхаю я и вспоминаю о ещё одной животрепещущей проблеме: – Платья! Сколько нарядов нужно взять с собой? Какие?

– Вот и работа для Майры, пока ещё она в своей должности, – советует мама. – Не волнуйся, Ами, у тебя хороший вкус. И целая неделя, чтобы всё продумать и успеть собрать багаж.

– Ох, женщины! Никогда не понимал вашего неуёмного желания украшать себя, – качает совсем седой головой папа. А в ответ на него обрушивается наигранно-возмущённое:

– Разве тебе не нравится результат?

– Нравится, но иногда ждать его выше моих сил.

Он с заметной хрипотцой смеётся, а я украдкой смотрю в зеркало, где мы отражаемся действительно прекрасной картиной. Плавные изгибы тел, подчёркнутые изысканными нарядами. Идеально прямые волосы цвета светлого песка, которые спускаются ниже плеч. Не слишком смуглая кожа. Большие

глаза, обрамлённые длинными ресницами, одинаково карие и у меня, и у мамы. Чётко очерченные полные губы, высокие скулы и ямочки на щеках.

– Мои красавицы...

Слышу ласковый шёпот, чуть более грустный, чем можно было бы ожидать. Но я не обижаюсь. У отца есть на то причины, достойные уважения.

* * *

– Дорожный костюм один подготовить? Второй упаковывать?

Стоящая у распахнутых створок гардеробной, Майра деловито перебирает наряды, снимая их с вешалок и придирчиво осматривая. Я же сижу за столом, отыскивая в ящиках мелочи,

которые могут понадобиться в путешествии: стилусы, блокноты, накопители. Всё это и для записей, и для рисования пригодится. Последнее я особенно люблю, наброски делаю постоянно, для меня это лучшая возможность запомнить и прочувствовать происходящее.

Именно в этот момент я увлечённо перелистываю наброски, которые так и не успела отрисовать окончательно, и потому, возмущённая моим долгим молчанием, подруга восклицает, напоминая о себе:

– Ами!

– Один. – Бросив на неё извиняющийся взгляд, поясняю: – Перелёт не будет долгим. До Виона мы доберёмся меньше чем за сутки. Система Адапи рядом с нашей.

Отыскав глазами на карте над столом белую звезду, рядом с которой завис крошечный синий шарик, не удерживаюсь от мечтательного вздоха. Ох, с каким же нетерпением я жду момента, когда окажусь на крейсере. Настоящая удача вновь полюбоваться на эту планету из космоса. Ведь она совершенно не такая, как моя родина.

– Ладно... – бормочет Майра, вытаскивая очередной наряд. – Платья из плотных тканей не нужны, верно? Там же тепло?

– Да. Сложи только лёгкие, мои любимые, – прошу и признаюсь: – Я буду скучать...

– Я, конечно, польщена, – преувеличенно восхищается компаньонка. Распрямляется, откидывая за спину светлую

косу, прикладывает руку к груди и отвешивает мне глубокий поклон. – Вы так цените наше общение...

– Я по Томлину буду скучать! – смеюсь, понимая, что она просто дурачится.

– Само собой. На Вионе ни пустыни, ни крагов нет! – откликается Майра, возвращаясь к нарядам. Но лишь для того, чтобы через минуту спохватиться и снова меня отвлечь: – Я вспомнила! Там ядовитые растения! И животные. Может, вам всё же плотные платья тоже взять? На всякий случай, чтобы не прокусили, не оцарапали?

Спрашивает она совершенно серьёзно, и беспокойство её не без оснований. Это вионцам повезло, у них расовая устойчивость к ядам, а мне на самом деле защита не мешает.

Впрочем, посмотрев на и без того заполненный доверху контейнер с вещами, я отрицательно качаю головой.

– Нет. Мне не придётся бегать по диким местам, мы поселимся во дворце. Вряд ли там будет что-то опасное.

– А прогулки в парке? Экскурсии? – не сдаётся подруга, которая в упор не видит проблемы лишнего багажа. Мало того, вытащила плащ с капюшоном и сапожки и теперь прикидывает, как бы их в контейнер запихнуть.

– Парк там точно безопасен, – успокаиваю её. – А на любых ралях можно сидеть в обычной одежде. Нам наверняка предложат прокатиться на этих птицах.

– Разумеется, развлечения гостей всегда соответствуют местным традициям. Без взаимного уважения миров наших планет просто никуда не деться, а отказывать хозяевам и выражать своё недовольство просто неприлично, – сетует Майра, с сожалением возвращая добытое в гардероб. – Сочувствую.

– Чему? – удивляюсь я, отодвигая в сторону отобранные вещицы и сгребая в опустевший ящик ненужные. – Я разве на краге мало летаю? Подумаешь, жирали! Ну и пусть они уступают нашим ящерам в размерах и удобстве передвижения, суть-то всё равно одна.

– Но ведь и на агралях плавать придётся, – не сдаётся компаньонка. – А вдруг она вас сбросит в воду? Б-р-р! Это же можно платье промочить до нитки и причёску испортить! Давайте я всё же плащ положу...

Нет, она неисправима!

Разговоры разговорами, а мне теперь не даёт покоя мысль – мой любимый краг останется на Томлине. И будет скучать по своей наезднице! Без меня он летать не станет и чужих не

подпустит. Так долго не сможет размять крылья, сидя в загоне... А потому я просто обязана устроить ему длительную прогулку перед отъездом.

В крагиум я отправляюсь после ужина. Днём ящеры только бегают, а летать лучше ночью, потому мне приходится прихватить с собой накидку. Она и одежду от песка защитит, и согреет на высоте.

У входа в подземный комплекс для содержания крагов привычно оживлённо. Суетятся смотрители, готовя животных к полёту или, наоборот, уводя в загоны. Громко беседуют наездники, обсуждая своих питомцев. Уборщики спешат выровнять песчаную площадку, взрытую мощными лапами...

Мой ящер не самый крупный, едва выше меня, потому как двадцать лет от роду для крага – совсем детский возраст. Зато идти к загону близко – малышей всегда устраивают ближе к выходу. И не поодиночке, чтобы могли играть.

Моё появление вызывает бурный отклик: краги фыркают, царапают когтями пол, поднимаются, выглядывая поверх загородки. А я смотрю лишь на одного, протягивая руку, чтобы погладить тёплые чешуйки, отливающие жёлто-зелёным в не ярком свете фонарей.

Из загона мы спешим выбраться на свободу. На площадке перед входом малыш радостно осматривается и в ожидании смотрителя с седлом с удовольствием принимает к посвежевавшему ночному воздуху.

Закрепив сбрую, я устраиваюсь на его спине.

– Мой хороший, ты готов к полёту? – спрашиваю больше по привычке.

Любимец фыркает в ответ, переваливается с бока на бок и вальяжно шагает за ворота, чтобы оказаться на открытом пространстве. Разбег и...

Хлопок распахнувшихся крыльев за спиной... Планерный полёт... Сильные взмахи, чтобы набрать высоту...

Дворец далеко внизу стремительно уменьшается в размерах, а тёмное небо и звёзды становятся ближе.

В нашем скоплении много ярких светил, и около каждого есть планета. Иногда даже не одна. Разглядеть их сейчас,

разумеется, невозможно, но от этого они ведь не исчезнут. Никуда не денутся. Космос – это не политика, в которой всё меняется неотвратимо и быстро. Ещё вчера, то есть сто лет назад, в составе Объединённых территорий было больше семидесяти планет. А сейчас? Всего восемь. От былой мощи империи осталось так мало! Но даже это лучше, чем ничего.

Крагу до судьбы империи нет никакого дела, он просто наслаждается долгожданной прогулкой. Рассекает мощным телом потоки воздуха и не спешит приземляться. И всё же отдых ему потребуется, мы забрались далеко в пустыню.

С недовольным урчанием ящер опускается на поверхность и складывает крылья. Роем лапами песок, оставляя внушительные ямы.

Возмущение его показное. Он не любит признавать свои потребности, чаще делает вид, что вынужден исполнять прихоти хозяйки. А ведь наверняка успел проголодаться и потому специально подлетел поближе к оазису, хотя я его не направляла, дала свободу выбора. Теперь же дождался, когда я спрыгну на песок, и шустро юркнул в скопление изогнутых побегов с шаровидными выростами. Они – любимая пища ящеров.

– Ты кого пытаешься обмануть? – кричу ему вслед. – Думаешь, я не услышу, как ты с завидным аппетитом хрустишь плодами?

Если малыш и различает мой голос в том шуме, который сам же создаёт, то откликаться не собирается. Придётся мне посидеть на песке и немного подождать, пока любимец закончит ужин.

Ничего страшного, такое и раньше случалось. Вообще краги очень умные и преданные, наездника никогда по своей воле не оставят. Скоро сам вернётся. Да и я, в общем-то, никуда не тороплюсь. Вещи собраны, отлёт лишь завтра вечером...

В задумчивости набираю горсть приятно нагретого песка. Не успел остыть. Разжав кулак, смотрю, как высыпаются песчинки, подхватываются ветром и улетают. Ускользают из рук, дразнят... Их не вернуть, можно лишь набрать новых.

Вот и планеты империи рассеиваются, рассыпаются... Как бусины из порванного ожерелья. Ни одна из них не спешит вернуться на место. Но, возможно, что-то изменится после очередного заседания имперского совета на Вионе?

Не успеваю об этом подумать, как из зарослей уже обкусанных побегов появляется сначала довольная морда, потом и весь краг целиком.

Терпеливо подождав, пока я заберусь в седло, сначала медленно бредёт в сторону возвышенности – иначе ему не взлететь. И лишь там разгоняется, раскрывает крылья и поджимает лапы, чтобы с потоком воздуха унести ввысь.

* * *

Небо на Вионе совсем иное. Голубое, прозрачное, невесомое. Нет в нём плотности, основательности, в общем, какое-то оно ненадёжное. Хотя, конечно, местным летучим существам это не мешает свободно парить над нашими головами.

А существа забавные. Яркие, переливающиеся, длиннохвостые. Раскинув крылья и вытянув длинные шеи, они неторопливо скользят в воздушном пространстве, виртуозно меняя направления и огибая друг друга, словно ткнут невидимые узоры.

– Это лайрами, – вполголоса поясняет Гриус, склоняясь ко мне.

– Я помню, – обернувшись, дарю ему благодарную улыбку. – Такую красоту сложно забыть. Правда, в прошлый раз они летали над морем и это смотрелось эффектнее.

– А мне и так нравится, – пожимает плечами брат, вновь возвращаясь взглядом к птицам, которые в завершении выступления плавно опускаются на покатуую крышу дворца.

Это новый дворец. Роскошная постройка, красивая сама по себе, но увы, не несущая на себе печать времени. А старый замок – величественное сооружение из серого камня, при одном взгляде на который душа замирает, – давно не используют для официальных встреч. Да и расположен он вовсе не в столице, а далеко отсюда, в глубине огромного парка, сейчас превратившегося в непроходимые дикие заросли. Мне повезло его увидеть в прошлый приезд, но лишь издали – с тех пор как королевская династия из него уехала, а это произошло ещё до моего рождения, внутрь никого не пускают. Таково решение императорской семьи.

– Идём, – тянет меня, взяв под руку, Гриус, потому как я задумалась и не заметила, что окружающая нас томлинская

свита удаляется по вымощенной светлым камнем дорожке, ведущей к парадному входу.

Красивая неформальная приветственная часть встречи завершена, теперь нас ждёт куда менее приятная – официальная, торжественная. Нужно набраться терпения и долго стоять молча, в ожидании, когда представители всех правящих династий выскажут свои витиеватые речи – совершенно бессмысленные, но крайне важные с их точки зрения.

Хотя, конечно, даже в этом можно найти свои положительные стороны.

Можно любоваться хоть и непривычным, но красивым изысканным интерьером – повсюду спокойные оттенки синего цвета в сочетании с золотистыми вставками. Мозаики на стенах, разноцветный многоуровневый потолок, узорчатый пол, освещённый яркими лучами белой звезды Адапи, сияющей за широкими окнами.

Можно смотреть на хозяев дворца – соимператора Литта Эвон ди'Дона и его жену фиссу Майри Мео Роанн. Они очень постарели со времени моего прилёта, но сохранили былое вели-

чие и стать. Даже их совсем седые волосы идеально гармонируют с роскошными, но не вычурными нарядами, в которых бирюзовый тон платья наследницы изящно перекликается с отделкой тёмно-синего парадного мундира ферта Литта.

Можно восхищаться нынешним королём Виона – фертом Гораном. Его умением чутко и быстро реагировать на происходящее в зале. Способностью сгладить любую конфликтную ситуацию. Заботой, с которой он бдительно следит за самочувствием и настроением родителей, чтобы лишний раз их не волновать. И при этом успевает уделять внимание и своей жене, и фаворитке. Замечательный правитель и семьянин!

Можно рассматривать прибывших на заседание имперского совета визитёров – очень разных и по характеру, и внешне. Решительных желтоволосых шенориан, спокойных брюнетов – роотонцев, смешливых зеленоволосых ипериан, серьёзных блондинов – леян.

Можно отыскивать глазами делегацию лансиан, имеющих бордовые волосы и костюмы в тех же тонах, уверенные взгляды и не менее отточенные движения. Здесь не только мужчины. Есть и женщины, среди которых я ищу будущую фаворитку Гриуса.

Нахожу быстро, всё же она здесь единственная, кто мне знаком, пусть и по голографии. На самом деле красивая, стройная и на удивление высокая. Боюсь, как бы брат не оказался ниже по росту. Вряд ли это повлияет на его решение, но рядом с Лийли Гриус будет чувствовать себя некомфортно. Гармоничная пара – это когда рядом высокий мужчина и миниатюрная девушка, а вот высокая дама и кавалер ниже её – не совсем удачный вариант. Вот, например, тот лансианин, что сейчас рядом с Лийли, – идеальная для неё пара. Он вообще выше всех в своей делегации. И лицо у него, как говорит моя мама, породистое! Массивный подбородок, нос длинный, с прямым переходом от лба, откинутые назад волосы, пронзительно-сиреневые глаза. И смотрят они... на меня!

Вздрогнув от неожиданности, я торопливо опускаю взгляд в пол. Как бы этот империанин не принял меня за не слишком скромную фиссу. Пристальное внимание, особенно к незнакомому мужчине, в рамки этикета никак не укладывается. Тем более...

Теряю мысль, чувствуя, как в душе поселяется чуть ли не паника, когда именно этот лансианин неожиданно покидает остальных и твёрдой походкой направляется к небольшому возвышению, где в удобных креслах сидят представители правящей имперской династии. Сменив уже завершившего свою речь леянина, он тоже начинает говорить, а я мысленно ругаю себя за невнимательность и чрезмерное любопытство.

Дихол! Какая я дорада! Это же Вейр Шин ош'Лак – король Ланса. А Лийли стоит рядом с ним, потому как сестра! Вот и что он теперь обо мне подумает?

– Я думаю, что вам, ферт Гриус Нийрез цу'лЗар, следует представить меня вашей спутнице, – слышу хорошо поставленный голос, в котором ни тени сомнения, что он не получит отказа. Точно так же, как и у меня нет сомнений в том, кто к нам подошёл, едва официальная часть завершилась и присутствующие получили возможность свободного общения.

– Моя сестра, фисса Амиала Нийрез Ламин, – отвечает брат тоном, очень далёким от радушия, я бы сказала – холодно-официальным. Не настолько, чтобы можно было обвинить его в пренебрежении, но и доброжелательным я бы его не назвала.

– Не знал, что у вас есть вторая сестра. О первой, старшей, мне доводилось слышать, – ош'Лак реагирует с тем же рассудительно-нейтральным настроением. Не дожидаясь ответа, переводит взгляд на меня и протягивает руку.

Под вынужденное «верно», сказанное братом, мне ничего не остаётся, кроме как протянуть свою, чтобы скользнуть пальцами по широкой ладони. Стараюсь сделать это быстро, максимально снизив длительность контакта. У меня нет намерения случайно получить к нему влечение.

– Хочется верить, что вы, фисса Амиала, будете осмотрительнее в выборе спутника жизни, – тем временем продолжает король, то ли на самом деле не замечая нарастающего раздражения Гриуса, то ли делая вид. А вот слова о нашей сестре явно сказаны с намёком.

И это раздражает. Какое ему дело до проблем, которые касаются только нашей семьи? К тому же не её вина, что она полюбила и вышла замуж за простого томлинца. Хотя, конечно, даже на Томлине не все это восприняли спокойно. Слухов и пустых разговоров тогда было много, это сейчас все успокоились, потому как времени прошло немало. Да и сестра теперь живёт совсем далеко, чтобы не нагнетать обстановку и не сталкиваться каждый день с любопытными.

И всё же грубить королю дружественной династии, указывая на проявляемую им бестактность, – точно не вариант. Потому, скромно опустив глаза в пол, отвечаю:

– Я постараюсь.

– Ну что вы?! – неожиданно удивляется ош'Лак. – Я и не думал перекладывать нелёгкую ответственность выбора кавалера на ваши хрупкие женские плечи. От ошибки должны уберечь родные. Это обязанность вашего брата – подыскать достойного кандидата. Ферт Гриус должен позаботиться о вашем будущем так же, как я забочусь о своей сестре. Кстати...

Он оборачивается, чуть отступая в сторону, чтобы стоящая позади него девушка оказалась на виду.

– Фисса Лийли Яла Олиин, – представляет уже знакомую мне лансианку.

Теперь уже брату приходится протянуть руку, чтобы она могла коснуться её. И девушка это делает. Однако, в отличие от меня, не торопится и не подушечками пальцев дотрагивается, а всей ладонью. И сразу становится ясно – она увлечена

моим братом и хочет влюбиться в него поскорей. Хотя и непонятно, следует Лийли приказу своего брата или это её личное желание.

Лансианка даже говорить начинает первая, пользуясь полученным правом. В её интонациях, да и во взгляде нет ни тени смущения или подавленности – лишь искренняя заинтересованность.

– Я с нетерпением ждала нашей встречи.

– Мне приятно ничуть не в меньшей степени, – галантно отвечает брат, видимо сбитый с толку проявляемыми Лийли непосредственностью и напором. – У нас с вами будет достаточно времени, чтобы найти общий язык и получить удовольствие от общения.

– Первое – сколько угодно, а вот со вторым я бы на вашем месте не торопился, – смеётся Вейр Шин. – Всё же решение принимаете ответственное.

Напрямую он не говорит, но суть всем понятна. Для Вейра, раз он лично прислал депешу с подобной просьбой, важно, чтобы сестра стала в итоге фавориткой Гриуса. Потому она и старается влечение спровоцировать. Но дальше всё будет зависеть от поведения мужчины. Привязка, сбитая до официальной церемонии вручения цветка, красноречиво укажет на отсутствие взаимной симпатии в паре. И оттого ранние близкие отношения, обтекаемо обозначенные Вейром как «удовольствие», поставят будущий статус Лийли-фаворитки под угрозу.

– Я уверен, фисса Лийли – приятная собеседница, а нам есть что обсуждать. К тому же моя сестра с радостью нас поддержит и станет компаньонкой, – деликатно уходит от двусмысленной темы Гриус, заодно обозначая цель моего присутствия на Вионе.

– Любопытная перспектива для фиссы Амиалы. – Внимательный взгляд сиреневых глаз скользит по моему лицу, прежде чем король продолжает: – Я обдумаю ваше предложение, и мы вернёмся к этому вопросу позже. Завтра, если не возражаете. Лийли устала, ей нужно отдохнуть с дороги.

Взяв сестру под руку, он её уводит, а я остаюсь в лёгком недоумении.

Это что было? Ош'Лак усомнился во мне как в компаньонке? Вопросительно смотрю на брата, но он лишь пожимает плечами, задумчиво глядя вслед удаляющейся паре.

* * *

– Ты ещё не готова? Ами, побыстрей, я не хочу опоздать, – торопит Гриус, заглянувший в выделенные мне покои.

Непроизвольно ускоряюсь, принимаясь отыскивать в шкатулке подходящие к наряду украшения, и лишь затем, когда взгляд падает на настольный хронометр, успокаиваюсь:

– Не опоздаем! Ещё целых пятнадцать минут.

– Мужчина обязан прийти раньше, – не сдаётся брат, но всё же присаживается на невысокий стул у входа. Окидывает взглядом небольшую комнату, оформленную в серебристых и голубых тонах, задерживается на широком окне, за которым открывается изумительная панорама королевского парка, и снова вскакивает.

– Ты чего нервничаешь? – удивляюсь я, закрепляя на руке браслет с томлитонитом в тон расшитому золотой нитью светло-бежевому платью. – Лийли тебе так понравилась? Вы ведь даже не говорили толком.

– Зато я видел, что она не против. А это много значит.

– Ну, не знаю... – не понимаю я его воодушевления. – Обычно девушки жёнами хотят стать, а не фаворитками. Мне, например, кажется странным, что её желание совпало с намерениями короля.

– Намекаешь, что Лийли было плохо дома? Настолько, что она рвётся на волю и готова даже стать фавориткой на чужой планете? – задумывается брат.

– Ничего я не намекаю. Просто думаю, что тебе будет полезно выяснить этот вопрос. Мы же не знаем всех тонкостей взаимоотношений в лансианской правящей семье.

– Обязательно сделаю, – обещает Гриус, а когда я оказываюсь рядом, подхватывает и кружит, не сдержав эмоций: – Как хорошо, сестрёнка, что в нашей семье доверительные отношения! И я рад, что ты сможешь выбрать себе пару по душе.

– Пару? – смеюсь я, вырываясь из братских объятий. – Супруга! Точно не любовника. И бесспорно на Томлине.

– Не сомневаюсь, – отступив, Гриус открывает дверь, пропуская меня в коридор. Однако разговора не прекращает: – Хотя, чувствую, это не скоро случится.

– Это ещё почему? – я тоже тему считаю интересной и молчать не собираюсь. – Сомневаешься в привлекательности собственной сестры?

– Неужели забыла, как кавалеры, привлечённые милой внешностью, разбегались после твоих рассуждений о политике?

– Выводы были правильными!

– Спору нет, но фисты почувствовали себя дорадами, не иначе.

– Значит, я буду искать понимающего мужа, который станет гордиться рассудительной женой.

– Звучит так же невероятно, как перспектива случайно обнаружить кристалл томлитонита в пустыне.

Хоть я и не согласна, но последнее слово остаётся за братом. Не потому, что я уступаю. Просто коридор короткий, а рассуждать о личном в присутствии посторонних неэтично – светлый холл, в котором мы оказались, вовсе не пуст. Здесь пара синеволосях вионцев, наверняка следящих за комфортом гостей, и двое томлинцев из тех, кто должен обеспечивать нашу безопасность.

К последним Гриус и направляется, усадив меня на низенький диванчик. Мне их беседы не интересны, потому я не настаиваю на ином, просто сижу, глаза по сторонам. Окно с видом на парк и здесь впечатляет – проём практически во всю высоту стены. На полу не менее зре-

лищная мозаика в сине-голубых тонах, имитирующая волны. Кажется, будто ступаешь по водной глади. Белый потолок украшен воздушным резным узором...

Внезапно моей ладони, которой опираюсь на бархатную обивку, касается что-то мягкое и прохладное. От неожиданности я подпрыгиваю, отдёргивая руку, а потом сама же смеюсь своей реакцией, ведь поводом для испуга оказывается крошечный шарик ик'лы – местный обитатель.

– Амиала? – встревоженно окликает меня брат. Его собеседники тоже напрягаются. Один из них, что постарше, даже к оружию тянется, а второй, чуть моложе, внимательно смотрит, отыскивая причину моего беспокойства.

Я улыбаюсь и машу рукой, усаживаясь обратно. Мол, порядок, не волнуйтесь. Нагибаюсь, чтобы поднять упавший на пол комочек. Зелёный, дрожащий, такой беззащитный...

– Как же ты здесь оказался? – осторожно глажу упругое тельце.

Почувствовав тепло, а может просто поняв, что его не обидят, малыш доверчиво льнёт к коже, распластываясь в блинчик.

– Я могу его забрать, – услужливо предлагает один из вионцев, но я мотаю головой.

– Не надо. Он мне нравится.

Решение оставить питомца приходит спонтанно. Впрочем... Я ведь ещё в первый свой приезд на Вион хотела завести такого, да только отец не разрешил. Он всегда становился печальным при виде ик'лы. Говорил, что эти существа вызывают грустные мысли о прошлом. В то время я настаивать не стала, чтобы его не огорчать и не напоминать лишний раз о неприятном. Теперь же наверняка могу просто не показывать малыша отцу, а играть с питомцем в своей комнате.

– Я тоже такого хочу! – неожиданно звонко восклицает женский голос. Уже знакомый, а потому я совсем не удивляюсь, когда, подняв голову, вижу Лийли в окружении сопровождающих лансиан.

– Вы можете выбрать питомца в парке, – тут же услужливо откликается вионец. – Сезон размножения только-только завершён, и мы ещё не успели собрать малышей, чтобы предложить их нашим гостям.

– В парке? – девушка заинтригованно смотрит в окно и уверенно заявляет: – Ферт Гриус, вы ведь меня туда проводите?

Ответить брат не успевает.

– Фисса Лийли! – шипит один из красноволосых приближённых. – Как можно? Это же неприлично! Первое официальное свидание, а вы внезапно меняете выбранное для общения место и навязываете свою волю мужчине! И при этом не имеете сопровождающей дамы!

– Я не с дамой гулять собираюсь, а с симпатичным мне мужчиной! И вообще, в холле будет скучно до невозможности!

С изумлением я слежу за перепалкой, удивляясь боевому настрою лансианки. Любопытно, она намеренно спровоцировала конфликт со своим сопровождающим? Если да, то ей важна реакция Гриуса, чтобы понять, готов ли он её защитить. Или же всё проще и она всегда ведёт себя подобным образом, не скрывая свой решительный характер?

Интересно, как на это отреагирует мой брат?

– Ферты, вы напрасно беспокоитесь о приличиях, – громко возражает Гриус, обрывая продолжающего негодовать борца за нравственность. – Моя сестра выполнит роль компаньонки. А что до остального... – Он улыбается и подходит

к заинтригованно наблюдающей за ним лансианке. Протягивает руку и, не отрывая глаз от её лица, мягко поясняет: – Разве здравомыслящий мужчина не способен пойти навстречу женщине в такой мелочи, как место встречи?

В сиреневых глазах вспыхивает удовлетворение. Девушка даже руку кладёт на ладонь Гриуса, а не просто касается пальцами.

– Так поспешим же в парк, пока там много этих милых шариков! – звучит её радостный голос.

Пожалуй, брату понравится этот приятный тембр. Лийли определённо умеет расположить к себе. И в желании побыть наедине с Гриусом действует очень целеустремлённо – в холле, под неусыпным надзором представителей обеих делегаций возможностей для беседы о личном немного.

Парк же менее располагает к контролю со стороны сопровождающих – чтобы избежать столпотворения, лансианам приходится следовать за нами по левой дорожке, томлинцам по правой. Мы же идём по центральной, и полоса кустов надёжно нас изолирует, создавая приватную обстановку.

Неторопливо шагая рядом с братом, по другую руку которого идёт Лийли, я больше люблюсь местной растительностью, нежели прислушиваюсь к разговору. Хотя отдельные фразы всё же улавливаю: «Семья поддерживает мой выбор... Да, я раньше не покидала Ланс, но миры других планет мне кажутся интересными... Нет, меня не затруднит переезд на Томлин, всегда мечтала изменить свою жизнь ради любимого...»

Понятно. Гриус, решив не откладывать дела в долгий ящик, занимается «допросом». Однако пока ответы он получает обтекаемые, такие можно как угодно трактовать. Возможно, если меня не будет рядом, Лийли сможет говорить откровенно?

Не зная, как именно это устроить, я постепенно начинаю отставать. Полшага. Шаг. Два...

– Ами? Ты чего? – заметив мой манёвр, Гриус оборачивается. Смотрит вопросительно, как и лансианка из-за его плеча.

– Просто за вами не успеваю. Тут так красиво! И я засмотрелась. Никогда такого не видела, – оправдываю свою затею, указывая на струю воды, возвышающуюся над зарослями невдалеке. – А что это?

– Фонтан, – пожимает плечами Лийли. Видимо, ей он совсем не интересен. И неожиданно поддерживает мою игру: – Если хочешь, подойди ближе посмотреть.

– Как же я могу вас оставить? – округляю глаза. – Ведь это сразу заметят.

– Не заметят, – наконец проявляет смекалку Гриус. – Мы в беседке спрячемся. Зайдём вместе, чтобы все видели, а потом ты незаметно выскользнешь.

Хихикая, словно заговорщики, мы именно так и поступаем, благо рядом как раз имеется одна из ажурных конструкций. Она так сильно увита растениями, что сквозь эти сплетения сложно различить происходящее внутри. А через несколько минут я её покидаю, убедившись, что кусты надёжно скрывают мой «побег».

Добравшись до фонтана, присаживаюсь на край каменной чаши. Окунув ладонь в воду, люблюсь мелкими брызгами, разлетающимися при падении и ударах воды. Они красиво играют радужными переливами в лучах белой Адапи. Жаль, что на Томлине такое невозможно – воздух пустыни быстро забирает влагу.

– Фисса Амиала Нийрез Ламин... – неожиданно раздаётся за спиной обличающе-насмешливое. – Любопытно... Значит, вот так вы выполняете свои обязанности компаньонки? Или на Томлине в порядке вещей, если девушка из династической семьи остаётся наедине с мужчиной?

Мысленно застонав, я медленно поднимаюсь и оборачиваюсь, чтобы упереться взглядом в плотную бордовую ткань. Костюм повседневный, но не менее красивый, нежели парадный, разве что отделки чуть меньше. А вот взгляд сиреневых глаз по-прежнему прямой и уверенный.

Вынужденно скольжу пальцами по протянутой мне руке. И лишь потом отвечаю:

– Мой брат в состоянии следовать приличиям, ферт Вейр. К тому же Гриус видит фиссу Лийли своей фавориткой, а не любовницей, так что репутации вашей сестры ничто не угрожает.

– А вашей? – Не позволяя моим пальцам соскользнуть, король быстрым движением их ловит, крепко сжимая в своих.

– Моей? – испуганно восклицаю я, буквально выдёргивая ладонь и отступая.

– Именно, – уверенно подтверждает ферт, закладывая руки за спину. – Как вы думаете, что о нас подумают, когда увидят вдвоём? В то время, как вы должны быть совсем в другом месте.

– Здесь же никого нет, – неуверенно бормочу я.

В ответ слышу громкий смех – король Ланса даже не думает приглушать голоса, чтобы скрыть своё присутствие.

– Значит, я не в счёт? Оригинальное у вас видение ситуации, фисса, – заявляет, отсмеявшись. – Ну что ж, тогда могу вас заверить...

Таинственно не договорив, Вейр неожиданно шагает ко мне, отрезав пути к отступлению – за моей спиной фонтан. Потому мне ничего не остаётся, кроме как с замиранием сердца ждать, чем закончится эта игра. Король же, оказавшись рядом, наклоняется, и я вздрагиваю, когда слышу довольный выдох у моего виска:

– Вы ошибаетесь.

– Что происходит? – мгновением позже обрушивается на нас встревоженный голос моего брата. – Ферт Вейр Шин ош'Лак, вы позабыли об этикете? Настолько близкое общение с одинокой девушкой неприлично.

– Кто бы говорил, – выпрямляясь, оборачивается к нему король. – Между прочим, я беру пример с вас, ферт Гриус. Вы тоже не считаете нужным соблюдать правила, – сердитый сиреневый взгляд буквально впивается в красноволосую красавицу, стоящую за плечом моего брата.

– Лийли – моя будущая фаворитка, – парирует тот, обнадёжив девушку одобрительной улыбкой, – и на церемонии примет цветок...

– Если я ей это позволю, – неожиданно резко обрывает его Вейр.

– Простите, не понял, – теряется Гриус. – Это же была ваша инициатива. И в депеше...

– В депеше содержалось не официальное предложение, а лишь намёк на возможность создания семейного союза, – снова его прервав, жёстко чеканит, словно отсчитывает удары лансианин. – И он не исключал условий, на которых вы получите моё согласие, если его примете.

– Каких условий? – тревожный взгляд брата находит меня, словно предчувствует, что услышит в ответ:

– Ваша сестра, ферт Гриус, станет моей фавориткой.

От подобного заявления я задыхаюсь и, чувствуя, как нарастает сковывающая тело паника, опускаюсь на край бортика фонтана. В сознании лихорадочно мечутся мысли.

Фавориткой? Я? Это как? Зачем? Мы же едва знакомы! У меня даже симпатии к нему нет!

– Вы шутите? – потрясённо уточняет Гриус.

– Отнюдь, – пожимает плечами король и, подарив мне ещё один взгляд, от которого паника становится лишь сильнее, объясняет: – Фисса Амиала мне нравится, и я намерен добиться её расположения. А если я что-то для себя решил, то, поверьте, уже не отступлю. Вот и решайте, ферт, что вы предпочтёте: видеть свою сестру моей временной любовницей без каких-либо обязательств и перспектив или уважаемой всеми официальной фавориткой.

– Но у Ами нет к вам влечения...

– Не нахожу в этом проблемы, – отмахивается лансианин. – Вы, как я посмотрю, с энтузиазмом провоцируете влечение у моей сестры. Почему же сомневаетесь, что я не в состоянии добиться симпатии вашей?

– У вас не будет для этого возможности. Амиала должна сопровождать Лийли.

– Должна?! – демонстративно потрясённо восклицает Вейр. – А способна ли она выполнять свои обязанности? В свете сегодняшних событий я бы не был так в этом уверен. К тому же в нашей делегации достаточно женщин, которые в состоянии быть наперсницами.

Он наконец отходит от меня, чтобы остановиться в паре шагов от Гриуса и уверенно припечатать:

– Так когда я получу официальное согласие? Или вы предпочтёте отказ?

– Решение будет принято к началу церемонии. А пока договорённость лишь временная.

– Мудро, – одним уголком рта усмехается король. – Завтра после завтрака я жду фиссу Амиалу в своей гостиной.

– В таком случае моей сестре тоже нужна компаньонка.

– Это не моя забота, ферт Гриус. Лийли, идём.

* * *

– Он так и сказал? Это было прямое утверждение? Или всё же просьба?

Отец, сидящий в кресле у окна, обстоятельно расспрашивает нас о произошедшем, а мы все расположились на диване напротив. После внезапного предложения Вейра просто нельзя обойтись без семейного совета. И бледно-зелёная гостиная в выделенных для моих родителей апартаментах идеально подошла для беседы.

– Да какая там просьба! – восклицает Гриус. – Открытым текстом категоричное заявление. Видели бы вы в этот момент Ами! Она стала белее олуола.

– Не понимаю... – хмурится папа. – Первоначальная договорённость была иной. Почему Вейр на ходу меняет условия? Неужели Ами настолько сильно ему приглянулась?

– Видимо, так. На церемонии встречи смотрел он на неё с интересом, – рассуждает брат. – Возможно, именно тогда и задумался о возможности... м-м-м... обмена.

– Обмена?! – негодует мама. Даже забывает, что обнимает меня за плечи, успокаивая. Вскикивает и принимается нервно мерить шагами комнату. – Каков наглец! Все должны исполнять его прихоти. Наша дочь не предмет торга! Тогрис, ты должен ош'Лаку это сказать!

– Допустим, скажу, – устало трёт переносицу отец. – А что будет дальше, Дагрина, ты подумала? Обида лансианина, скандал, выход его планеты из состава империи. Нет никаких гарантий, что у него не появятся последователи. Звёздных систем, которые нас поддерживают, и так с каждым годом становится всё меньше.

– И Лийли останется с этим... родственником.

Последнее слово брат буквально выплёвывает с таким презрением, что сразу становится ясно – причина негатива отнюдь не в стремлении получить меня как фаворитку. Тут что-то иное... И это определённо связано с самой лансианкой. Может, она всё же поделилась с ним какой-то семейной тайной?

– Он её обижал? Что Лийли тебе рассказала?

– Вейр обманул, использовал её, чтобы добиться выгоды. Сказал Лийли, что она якобы понравилась главе компании по переработке миоцы. Девушка поверила, влюбилась и искренне хотела замуж. Проявляла внимание к кавалеру. В итоге Вейр стал предъявлять ему претензии из-за привязки Лийли. Стал шантажировать лансианина и вынудил повысить прибыль императорской семьи на десять процентов в обмен на то, что все забудут об инциденте. Представьте, каково Лийли было узнать правду! Я не могу допустить, чтобы она вернулась в семью. Ош'Лак и дальше будет её использовать и манипулировать за счёт неё другими. Лийли нужно помочь. Она хорошая девушка, абсолютно не похожа по характеру на своего брата.

– Это замечательно, что вы с ней нашли общий язык, – ахнув, умиляется мама.

Вот только я слышу в словах брата совсем иное и невольно всхлипываю от обиды:

– И чтобы спасти Лийли, ты готов пожертвовать мной?

Гриус, плотно стиснув зубы, хмуро на меня смотрит.

Молчит, само собой, не будет же он говорить прямо, что...

– Ну да, можешь не отвечать! Всё тут ясно. Я ведь всё равно должна принести себя в жертву империи. Так какая разница...

– Не торопись, дочка, – просит папа.

Он морщится и смотрит в сторону, обдумывая ситуацию. Мама, вернувшись на диван, снова меня обнимает, принимаясь нащёптывать что-то успокаивающее на ухо. А я злюсь, бросаю испепеляющие взгляды на брата.

Предатель! Я от него такого не ожидала! Поддерживала его во всём. А он... он...

«А он ради блага империи согласился взять в семью фаворитку, о которой совсем ничего не знал», – напоминает совесть. Легче мне от этого не становится, однако горечь предательства кажется не такой отчётливо едкой.

– Простите, не сдержалась, – вздыхаю покаянно. – Ничего не поделаешь. Придётся пойти навстречу пожеланиям лансианина. Всё же мой статус дочери императора ко многому обязывает.

– Хорошо, – не с облегчением, но точно с благодарностью смотрит на меня папа. – Возможно, личные встречи изменят и твоё отношение к ош'Лаку. Всё же мужчина он... привлекательный.

– У Ами для этого нет наперсницы, – напоминает мама. – Я, увы, не гожусь, а других женщин в нашей делегации нет. Мы же не думали, что всё вот так повернётся.

– Но не вионок же просить? – наконец снова подаёт голос Гриус. – Это выставит томлинскую делегацию в плохом свете. Будто мы свою свиту не могли нормально организовать.

– Я могу встречаться с Вейром наедине, – робко предлагаю, но в ответ получаю от отца категоричное:

– Нет, я этого не допущу. Завтра у тебя будет сопровождение. А если оно ош'Лаку не понравится... Пусть оставит недовольство при себе.

* * *

Утром сказанные накануне слова отца так и остаются для меня загадкой. И потому я выхожу из будуара в маленькую гостиную в твёрдой уверенности, что увижу чопорную фиссу и отнюдь не томлинку. Однако вместо неё обнаруживаю ожидающего у окна мужчину. Стоит он спиной, и оттого мне виден лишь бежевый мундир, с вышитым на рукаве силуэтом крага, и светлые, песочного цвета волосы, доказывающие – томлинец. Зато когда он оборачивается, узнаю сразу – безопасник. Тот самый, что вчера, перед прогулкой в парке, общался с Гриусом и был свидетелем моего испуга из-за ик'лы. Не пожилой, а другой, более молодой, видимо не так давно покинувший академию, однако вполне компетентный, поскольку его взяли к нам на службу, но всё же недостаточно опытный, раз второй, наставник, всегда рядом и помогает. Что, впрочем, не снимает вопроса о причинах присутствия этого империанина в моих покоях.

– Ферт Лерон Ави ти'Сэш, – представляется он, протягивая мне руку для приветствия. – Ваш отец, ферт Тогрис, оказал мне честь быть вашим сопровождающим, фисса Амиала.

Неожиданно... Более чем неожиданно! Мало того, что мне в компаньонки назначен мужчина, так он ещё и из династического рода! Пусть не самого близкого к королевской семье, но определённо имеющего сильные способности. То есть он из тех, кто поддерживал отца, когда заговорщики рвались к власти и использовали для этого самые гнусные методы. Это я точно знаю.

В растерянности я забываюсь и просто пожимаю руку, а не скольжу по ней пальцами, как это предусмотрено этикетом. Даже заметив изумление в глазах безопасника, не сразу соображаю, в чём причина. А когда до меня доходит...

– Простите... – лепечу, чувствуя просто удушающее смятение. – Я рада вашему обществу и не сомневаюсь, что отец выбрал для меня достойного сопровождающего.

– Вы можете смело рассчитывать на мою поддержку, – Лерон не стал акцентировать внимание на моей оплошности. – И в общении со мной чёткое следование этикету не столь важно, главное, чтобы вам было комфортно. Вы готовы? Мы можем идти?

Я киваю и всё же, прежде чем шагнуть следом за ним в услужливо раскрывшуюся дверь, которую безопасник придержал рукой, чуть мешкаю, бросив испытующий взгляд в зеркало.

Девушка в отражении – в элегантном синем платье в пол, с высокой причёской и с невесомой светлой накидкой на плечах – кажется мне растерянной и не слишком воодушевлённой будущим свиданием. Оно и понятно: идти на встречу с тем, кто тебя к этому вынуждает, – приятного мало. А не идти нельзя. Обещала же родителям, что не стану расстраиваться раньше времени, а присмотрюсь к Вейру.

Крыло, в котором разместились лансианская делегация, располагается не так уж далеко от нашего. И интерьер мало чем отличается – во дворце вионского короля придерживаются собственных вкусов и не считают нужным что-либо переделывать ради недолгих визитов гостей. Так что гостиная, в которую я вхожу, скорее пришлась бы по душе какому-нибудь местному принцу, а не красноволосому королю. Закинув ногу на ногу, он со скучающим видом сидит в кресле и недовольно рассматривает на стене роскошную голубую мозаику с морскими мотивами. На моё платье он смотрит с ничуть не меньшим отвращением, но всё же встаёт и шагает навстречу.

– Фисса Амиала, – учтиво приветствует, протягивая руку, – вы пунктуальны. Редкое качество для женщины, мне нравится. И я надеюсь, это не единственная ваша добродетель, которая нас сблизит.

– Если вы выразите свою мысль более ясно и однозначно, я вас пойму лучше, – деликатно прошу я, сдерживая нарастающую неприязнь. С каждым разом касаться его руки становится всё сложнее.

– Однозначно? – ползёт вверх левая бровь мужчины. – Фисса, вы не удосужились задуматься о предпочтениях того, с кем встречаетесь. Неужели сложно было подобрать наряд бордового цвета, вместо этого ужасного синего, который здесь повсюду?

– Фисса Амиала выбрала этот цвет в знак уважения к принимающей вионской стороне, – вместо меня отвечает мой сопровождающий.

Изумление Вейра настолько сильно, что он даже про меня забывает. Теперь его внимание приковано к стоящему у входа томлинцу. И сложно понять, чего больше во взгляде лансианина – негодования или же презрения.

– Ваше мнение мне абсолютно безразлично, – наконец цедит сквозь зубы. – Свою задачу проводить девушку вы выполнили. Забыли лишь о том, что после этого ваше присутствие здесь излишне.

– Я ни о чём не забыл. Уйти я не могу, даже если вы прикажете выставить меня вон. Фиссе Амиале положено сопровождение. Так что ваши претензии ко мне, ферт Вейр Шин опш'Лак, не имеют смысла.

– Ха, – несдержанно раздражённо выдыхает лансианин. – Даже дорада поймёт, что фиссе из династической семьи нужно *женское* общество.

– В своде имперских законов пол сопровождающей персоны не регламентируется, – чеканит Лерон, словно был заранее готов к претензиям.

Впрочем, почему «словно»? Он наверняка со вчерашнего дня в курсе назначения, несомненно свою линию поведения продумал и от моего отца инструкции получил. Но всё равно, несмотря на это, чувствовать поддержку мне приятно – есть на кого положиться.

– Даже не сомневался, что на Томлине готовы наплевать на приличия, – с показным равнодушием продолжает Вейр, возвращаясь взглядом ко мне. – Учтите, фисса Амиала, нам при-

дётся часто выходить в свет и я не хочу быть посмешищем. Пусть ваш прислужник наблюдает незаметно и держится на почтительном расстоянии.

Я бы возмутилась оскорблению, однако безопасник качает головой, а в его глазах появляется предупреждение: «Не нужно. Очередная провокация ничем хорошим не закончится». Потому не нахожу ничего лучше, нежели уточнить:

– В свет? Я думала, вы планируете лишь личные встречи. Ведь мы ещё только знакомимся.

– Во-первых, я слишком занят и у меня не всегда будет время для таких встреч. Во-вторых, привыкайте к публичности, фисса Амиала. Пока я не женат, вам, как моей любовнице, придётся сопровождать меня на официальных мероприятиях.

– Вы хотели сказать «фаворитке»? – сержусь я его оговорке.

– Всё зависит от вашего решения, фисса, – неприятно кривит рот в усмешке король. Такое ощущение складывается, что его радует моё зависимое положение без шанса отказаться. Или же он просто недоволен фактом всё же имеющегося у меня пусть иллюзорного, но выбора? Возможно, потому, что привык единолично принимать решения и ждать их немедленного и беспрекословного исполнения?

– У меня ещё есть время, – тихо шепчу, потупив взгляд.

– А у меня есть вы в качестве симпатичной компаньонки, – галантно отвечает король, подхватывая меня под руку и уводя к дивану. – И я намерен этим в полной мере воспользоваться.

Ещё одна оговорка, которую он всё же исправляет и, пока я расправляю юбку, тоже садится на мягкое сиденье. Близко. Не настолько, чтобы возмутиться бесцеремонности, но точно на грани допустимого этикетом расстояния. Его рука ложится на спинку позади меня, усиливая дискомфорт, которого и без того немало.

– Рассказывайте, – приказывает Вейр.

– О чём?

– О своём детстве, кавалерах, одежде, украшениях, этих... как их... крагах ваших. Мне тема безразлична.

– Тогда зачем спрашиваете?

– Женщины же любят, когда мужчины внимательно выслушивают их разные милые глупости.

– Не имею привычки раскрывать душу перед посторонними, – возмущаюсь я.

– Где вы видите тут постороннего, фисса Амиала?! – строго смотрят на меня сиреневые глаза. – Я ваш будущий любовник! А надсмотрщик пусть вас не смущает – его задача следить за поступками, а не словами.

Злость, родившаяся за время этой пафосной речи, кажется, без следа вытеснила владеющую мной растерянность. Любовник, значит? Ну ладно...

– Вы правы, – поправляю накидку, которая неуместно сползла с плеча. – Вам действительно следует быть в курсе моей жизни. Особенно если она станет частью вашей. М-м-м... Что же вам рассказать?... – делаю вид, что задумалась. Однако принимаю решение до того, как из приоткрытого рта мужчины раздастся очередное «дельное» предложение: – Наверное, всё же о крагах. Я их обожаю. Сложно представить свою жизнь без этих ящеров. Умные, быстрые, верные. Выбирают себе хозяина одного на всю жизнь. Часто в семейном союзе томлинцев их краги тоже потом образуют пару.

– Ну, в нашем случае это невозможно. У меня ящера нет, – глубокомысленно изрекает Вейр, а я про себя смеюсь – это он ещё главного не знает!

– Да, так, – вздыхаю печально. – Но вы же не станете игнорировать древнюю томлинскую традицию, которая скрепляет союз любовника и фаворитки?

– Традицию? – словно почуяв близость подставы, напрягается лансианин. Да только поздно. Я уже радостно ему сообщаю:

– Совместный полёт на краге, который сближает влюблённую пару! О! Я уверена, вы будете в восторге! Это очень романтичный обычай.

Сиреневые глаза смотрят на меня с изрядной долей сомнения, которое я упорно отказываюсь замечать. И потому продолжаю:

– Трое суток, проведённых в пустыне... Это незабываемое путешествие!

– Не сомневаюсь, – потрясённо бормочет ош'Лак и с недовольством сообщает: – Фисса Амиала, не думаю, что для меня возможно отправиться на Томлин исключительно для того, чтобы прокатиться с вами на ящерице.

– Тогда... Тогда я возьму своего крага на Ланс. И мы с вами сможем летать на нём хоть каждый день.

– Возьмёте? – надменно цедит Вейр. – А разве я вам разрешил? В семье все решения должны исходить от мужчины.

– Вы против? Я думала, вы с пониманием отнесётесь к пожеланиям своей женщины.

– Это не пожелание, а ненужное и обременительное излишество. Чем будет кормиться ваш краг? Вряд ли для него найдётся привычная пища, – видимо, лансианин проникся перспективой содержать ящера. – А что касается катания... На Лансе для этих целей полно земульти. Выбирайте любую.

– Но мой краг... Он будет страдать в разлуке... – расстроено шепчу я. Уже вовсе не наигранно, а потому, что действительно переживаю за своего малыша.

– Делать мне больше нечего, как об этом думать, – раздражённо восклицает король, вскакивая с дивана. Видимо, женских слёз он не выносит совершенно, но и идти на уступки не желает. – Фисса Амиала, прошу простить, но мне придётся вас покинуть. Сегодня я уделил вам достаточно времени. Завтра мы с вами встречаемся в это же время в парке у фонтана. Вы меня услышали?

– Да, – тихо отвечаю я, с трудом сдерживая разочарование.

Вейр уходит, и нам с Лероном ничего не остаётся, кроме как вернуться в крыло томлинской делегации. Вернее, это поначалу мы направляемся туда, но с каждым шагом я иду всё медленнее, а потом и вовсе останавливаюсь, потому что моя голова занята мыслями. Неприятными, от которых в душе поселяется безысходность и отчаяние.

– Фисса? – беспокойно зовёт меня Лерон. А когда я смотрю на него сквозь пелену слёз, заполняющих глаза, тут же принимает решение: – А ну-ка, идёмте...

Я даже не пытаюсь понять, куда именно он меня ведёт, почему просит не споткнуться, на что усаживает...

– Что вас так расстроило? – принимается расспрашивать. – Не держите в себе, вам нужно выговориться.

– Вам? Неужели хотите выслушать? – недоверчиво спрашиваю, не сдержав всхлипа.

– Конечно, мне, – спокойно реагирует безопасник. – Сейчас я несу ответственность за ваше физическое и психическое состояние. Если вас в таком виде увидят ферт Тогрис или ферт Гриус, то их конфликта с ош'Лаком не избежать.

– Я просто... Боюсь. Умом понимаю, что надо приспособиться, принять неизбежное, а в душе всё этому сопротивляется. Вейр, он... он такой чёрствый! Бесчувственный. Не признаёт иного мнения, кроме собственного. Как же я с ним уживаться буду? Останусь совсем одна, без родных и близких, на чужой планете...

– Вот почему вы его провоцировали! – догадывается Лерон. – А я понять не мог...

– Я не специально. Вернее, специально, но... – замолкаю, не в силах подобрать определения.

– Из чувства противоречия, – мягко подсказывает томлинец.

– Да, наверное, – вздыхаю, зябко кутаясь в накидку. Нервное напряжение отняло столько сил, ещё и утро выдалось прохладным. А потом чувствую, как на плечи ложится что-то тёплое, плотное, согревая и защищая...

– Простите, фисса Амиала. Я не учёл, что здесь будет более свежо, чем во дворце. Вы совсем продрогли, – объясняет Лерон. – Может, вернёмся?

Лишь теперь понимаю – это он мне свой китель отдал, а осмотревшись, осознаю, где именно мы находимся. Одна из беседок парка надёжно скрывает нас от любопытных глаз.

– Спасибо, ферт Лерон. Так мне достаточно комфортно... Давайте ещё посидим.

Мы и сидим молча, прислушиваясь к тихим шорохам в кустах, довольным восклицаниям вионцев, которые собирают ик'лы, далёким, но всё равно различимым крикам ворков. Я о Вейре думаю, вспоминаю, есть ли бордовые платья в моём гардеробе, – ведь лансианин ясно дал понять, что иных цветов не потерпит. А вот томлинец... Видимо, его те же мысли занимают, потому что заговорил он на беспокоившую меня тему, показав свою осведомлённость.

– Если вы не хотите быть фавориткой короля Ланса, но и не можете отказать, нужно сделать так, чтобы он сам передумал и освободил вас от своего предложения.

– Это возможно? – уточняю я с вновь появившейся надеждой, пусть слабой, но столь мне необходимой.

– Это вероятно, – чуть поправляет формулировку мужчина. – Решение ош'Лак принял поспешно. Торопливость же не идёт на пользу делу и несёт лишь ошибки. А если он откажется по своей инициативе, тогда и к вам претензий не будет, и ваш брат заберёт Лийли на Томлин.

– Смысл ему отказывать после настолько серьёзного предложения?

– Вы забываете, фисса Амиала, что фаворитка – это ответственность практически на всю жизнь, – мягко, но уверенно напоминает Лерон. – Король прекрасно это осознаёт. И если вы, как его избранница, не будете соответствовать высоким идеалам, тогда Вейр сам крепко задумается – надо ли ему это. Так что ваше сегодняшнее поведение – первый сделанный для этого шаг. И платье, кстати, тоже.

Я задумываюсь. А ведь он прав. До церемонии ещё долго, так что главное – за это время помочь лансианину увидеть во мне то, чего нет. А в этом мне поможет... Лийли! Если она влюблена в Гриуса, то будет на нашей стороне. Я попрошу её рассказать мне о предпочтениях Вейра и буду действовать противоположным образом! Вот только родителям, да и брату, знать об этом точно не стоит. Теперь единственный, кому я могу довериться, сидит рядом и ждёт моего ответа.

– Вы предлагаете заговор против интересов чужой королевской династии. Рискуете, становясь моим соучастником... – испытующе смотрю на него.

– Я защищаю интересы императорской семьи. Ферту Тогрису, пусть он и скрывает свои переживания, тяжело расстаться с вами. Тем более при таких обстоятельствах.

– Представляю, как будет зол ош'Лак, когда я начну его провоцировать.

– Не волнуйтесь из-за поведения короля, грубости в ваш адрес я не допущу, фисса Амиала.

– Просто Амиала, – прошу я его. – Если вы не против, разумеется. Нам будет удобнее.

«И приятнее», – добавляю про себя, с удовольствием наблюдая, как на лице Лерона сменяются растерянность, удивление и искренне радостное изумление.

Стоит признать, мне очень повезло найти такого замечательного помощника!

* * *

Одетый в строгий чёрный камзол с красными отворотами и в такой же цветовой гамме брюки, заправленные в высокие голенища сапог, король Ланса нетерпеливо меряет шагами площадку перед фонтаном. Заложив руки за спину, с гордо поднятой головой ждёт, когда же

появится приглашённая на свидание фисса. А она, то есть я, выходить из своего убежища – плотно растущих кустиков – не торопится. Пунктуальность мне выйдет боком, ведь Вейр в прошлый раз был в восторге от этого качества.

– Главное, сохраняйте уверенность, Амиала. Помните – смущаться и бояться не нужно, я всегда рядом, – Лерон, стоящий за левым плечом, наставляет меня перед встречей так, словно я на бой иду.

Впрочем, почему «словно»? Для меня это действительно сражение, от которого зависит моё будущее.

– Постараюсь, – обещаю больше себе, чем сопровождающему.

Решив, что выждала достаточно, выбираюсь на дорожку и, делая вид, что спешила изо всех сил, торопливо пробегаю по ней, чтобы через несколько секунд оказаться на поле боя.

– Фисса Амиала... Не знал, что вы более занятая персона, нежели король Ланса, – встречает меня не слишком довольный язвительный тон и укоризненный взгляд сиреневых глаз. – Ну, давайте, просветите меня о причинах опоздания. Бесплезная в данном случае информация, но, судя по вашему запыхавшемуся виду, аргументы должны быть весомыми.

– Конечно, весомыми! – скользнув пальцами по его ладони восклицаю я. – С раннего утра прихорашивалась для встречи с вами и увлеклась.

Судя по тому, как вытягивается лицо короля, он не считает этот повод веским оправданием. Но и укорять девушку, стремящуюся угодить себе любимому, ему тоже кажется некорректным. Потому тему меняет. Вернее, придиричливо меня осмотрев, чуть смещает акценты:

– Вижу, вы не приняли мой совет должным образом. Ваше платье... ещё ужасней, чем вчерашнее синее.

– Как же так? – я ахаю, показательно теряясь, а в душе радуясь произведённому впечатлению. – Я старалась! И оно почти красное!

Наряд мой на самом деле совсем неплох. Цвет напоминает рассветные лучи Иона – такой же нежно-розовый, с переходом в оранжевый тон у подола. Ну а то, что изгибы фигуры скрыты под многослойной невесомой материей... Так это не относилось к сути рекомендаций Вейра!

– Вот именно, что почти! – недовольно хмурится лансианин. – Берите пример с моей сестры и не ошибётесь. Кстати, при должной смекалке вы могли бы спросить совета у Лийли.

Он наставляет, а я снова мысленно хихикаю, вспоминая вчерашний разговор с лансианкой. Это ведь именно после него я с нарядом окончательно определилась. Лийли рассказала много полезного о брате и попросила взамен сообщить о вкусах Гриуса. Я отказывать не стала. Так что мы обе остались довольны друг другом.

– Ферт Вейр, я и сама в состоянии разобраться! – отвечаю, сохраняя внешнее спокойствие. – Вчера пересмотрела весь свой багаж, нашла лишь это платье подходящего тона.

– Печально... – непререкаемым тоном продолжает Вейр, задумывается и сообщает: – Решено! На завтрашнем свидании займёмся вашим гардеробом. Я лично выберу модели и цвета. Отправлю эскизы своим портным на Ланс, чтобы к прилёту наряды были готовы.

– Но как?! Я хотела сама выбрать, это же будут мои вещи!

– Фисса Амиала, к чему ваши глупые капризы? Я лучше знаю, что подойдёт моей женщине, – король даже не пытается сгладить негативное впечатление, скорее, его усугубляет. – И с Томлина вам не придётся ничего забирать, ведь полёт на вашу планету – пустая трата времени. Ни сейчас, ни после церемонии.

На этом эпическом заявлении я вспоминаю наставление Лерона – не сдаваться, не уступать!

– Вовсе не пустая! – заявляю категорично. – Ферт Вейр! Томлин – *моя* родина. И я не хочу терять с ней связь! Тем более я – всего лишь фаворитка, от которой вы сможете в любой момент до свадьбы отказаться. Так что как бы вы ни запрещали, а я буду настаивать на том, чтобы хоть изредка бывать дома!

– Настаивать?! – возмущённо выкрикивает король – Вы не в своём уме, фисса Амиала. Иначе объяснить вашу неуместную строптивость я не могу.

– Разве желание видаться с семьёй – ненормально?

– Теперь я ваша семья! Или вы хотите, чтобы пошли слухи, что я плохо забочусь о вас?

– Запреты и ограничения! Разве так выглядит забота?! – задохнувшись от возмущения, запальчиво восклицаю и отвлекаюсь на ик'лы, который вылез из-под рукава на моё запястье. Малыш, видимо, почувствовал тепло лучей яркой полуденной Адапи, вот и решил, что пора ему подкрепиться. Теперь упрямо ползёт к ладони, где можно с комфортом распластаться в блинчик и начать фотосинтез.

Глядя на него, я чувствую, как буря негодования, бушующая в душе, стихает. Вейр, похоже, тоже успокоился. Мне даже кажется, он заинтересованно следит за малышом. Однако, едва король начинает говорить, понимаю – его иное привлекло:

– Красивый браслет, фисса Амиала. Это ведь томлитонит?

– Да, – почти спокойно отвечаю, хоть и стараюсь, чтобы в голосе оставалась раздражающая лансианина строптивость. Пусть не думает, что я смирилась.

– Могу я ближе его рассмотреть? – невозмутимо продолжает Вейр.

Если он надеется, что я подам ему руку, тем самым дав возможность моему организму почувствовать влечение, то совершенно напрасно. Вместо этого я просто снимаю браслет с запястья и протягиваю на раскрытой ладони.

Даже если королю это не нравится – вида он не показывает. Спокойно забирает украшение и вертит в руках, рассматривая со всех сторон. А через мгновение...

Яркий блик – свет Адапи, отразившийся от граней кристаллов. Негромкий всплеск от удара о поверхность. Волны, прошедшие по глади потревоженной воды.

– Ой... – я невольно бросаюсь к бортику и заглядываю за него, с сожалением наблюдая, как неторопливо опускается на дно оранжево-жёлтый браслет.

– Не понимаю, как это произошло, – извиняется Вейр. – Но вы не волнуйтесь, я его достану.

Достанет? Я смотрю на него скептически, потому что глубина здесь больше, чем длина руки. Сомневаюсь, что ради украшения король полезет в воду и пожертвует своим дорогим нарядом.

Всё так. Только я забываю о расовых способностях лансиан. А вот Вейр, привыкший постоянно ими пользоваться, ни минуты не раздумывает. Протягивает руку, чтобы она оказалась над водой, и, сложив ладонь лодочкой, делает резкое зачёрпывающее движение в воздухе.

Эффект оказывается неожиданным и своеобразным – под рукой лансианина поверхность воды вдавливается гравитационной силой почти до самого дна и поднимается волной, подхватывая мой браслет. Украшение оказывается на бортике, а я...

Я, не успев отпрянуть, лишь потрясённо хватаю ртом воздух, чувствуя, как по лицу и волосам стекают потоки окатившей меня холодной воды. Мокрый наряд неприятно облепляет тело, и туфли тоже сырые...

– Ой... – теперь настёт очередь мужчины изумляться произошедшему конфузу и начать извиняться: – Прошу прощения...

На большее ему не хватает времени, потому что Лерон очень своевременно напоминает о себе и бросается на мою защиту.

– Фисса Амиала, вы в порядке? Не замёрзли? Вот, наденьте пожалуйста... – безопасник заботливо укрывает меня своим кителем, пряча от заинтересованных взглядов Вейра. – Ферт ош'Лак, ваше поведение возмутительно! Вы поставили девушку в неловкое положение.

– Я не привык действовать вполсилы, – пафосно презрительно отрезает Вейр, всем своим видом показывая томлинцу, что он думает о его «своевременном» вмешательстве. – А что

касается платья... Так оно намного лучше выглядит. Моей фаворитке незачем прятать свои достоинства.

– Надеюсь, для этого вы не будете каждый раз обливать меня водой, – зло бросаю я и отнюдь не вопросом, а утверждением, ничуть не заботясь о том, что тем самым нарушаю правила этикета, заявляю: – Я ухожу. Мне нужно привести себя в порядок.

– Завтра мы займёмся вашим гардеробом, – в спину мне напоминает Вейр, но я не оглядываюсь. Пусть это будет ещё одним «показателем» того, насколько плохая из меня фаворитка. Чем более далёк мой образ от идеала, тем лучше.

* * *

Ярко-красный кошмар... Ядовито-розовые пятна на белом... Бордово-серые разводы... Мрачные тёмные багровые тона... Самые немыслимые сочетания из возможных!

Со стоном прижимаю пальцы к вискам, не в силах избавиться от образов, вызывающих головную боль при одном только воспоминании о них. А от мысли, что всё это придётся носить, становится тошно.

– Устали? – мягко интересуется Лерон, севший рядышком на диван гостиной в моих апартаментах. Не уходит, видимо понимая, как мне нужна его поддержка.

– Не то слово... – вздыхаю я, поднимая на него глаза. – Вейр просто невыносим. Мне хочется забыть этот подбор платьев как страшный сон. А ведь самое ужасное знаешь что? – я смотрю на безопасника, ожидая вопроса, и, когда он ободрительно мне улыбается, выпаливаю: – У его сестры совершенно иные наряды! Не настолько броские и вычурные, приятные даже. А у Вейра безобразный вкус! То есть его совсем нет!

Некоторое время мы сидим молча. Я – сердито буравя взглядом мозаику на стене. Лерон – о чём-то сосредоточенно размышляя. В итоге я снова не выдерживаю:

– Он полностью игнорирует мои желания! Все до единого! А ведь даже отец не вмешивается ни в мамины покупки, ни в мои. Не настолько принципиальный вопрос...

– Амиала, – неожиданно перебивает ти'Сэш, – а вам не кажется, что поведение короля выглядит неестественным для мужчины, который заинтересован в женщине?

Я аж воздухом давлюсь, проглатывая все те нехорошие слова в адрес лансианина, что не успела сказать. А обдумав ответ, делюсь своим мнением:

– Его выбор продиктован политическими мотивами, о симпатии речи не идёт.

– Всё равно недопустимо провоцировать конфликт с девушкой, – качает светловолосой головой томлинец. – Вспомните своего брата, он тоже не был доволен навязанной фавориткой, но на уступки был готов заранее.

– И что это может означать?

– Знаете, складывается впечатление, что ош'Лак жаждет вашего отказа. И любыми способами провоцирует неприятие.

– Но зачем? – от подобной версии у меня мозг впадает в ступор. – Это ведь была его инициатива, а я вынужденно согласилась, чтобы не подставить отца и избежать скандала...

– Значит, именно этот скандал лансианину необходим.

– Мне казалось, он был доволен тогда, в зале... – теряюсь я.

– Нужную видимость создать несложно, – пожимает плечами Лерон. – Тем более он знал, как ферт Тогрис вас любит. Скорее всего, ош'Лак рассчитывал, что получит отказ сразу. Это бы оскорбило короля и дало повод упрекнуть вашего отца в отсутствии должного воспитания у дочери.

– Лерон, вы говорите жуткие вещи, – потрясённой, мне сложно сразу ему поверить. – Зачем королю Ланса конфликт с моим отцом? Я не понимаю, как можно разрушать чужие

судьбы ради дурного спектакля?! Использовать меня, мои чувства для какой-то нелепой... провокации!

– Такова изнанка политики, Амиала.

Сидеть на месте я больше не могу. Вскочив, бросаюсь к окну. Распахнув створку, зажмуриваюсь, подставляя лицо ветру, пахнущему солью и морскими растениями.

– Ами... – голос безопасника совсем тихий, наполненный сочувствием, заботой и...

Что-то ещё в нём есть неуловимое, что заставляет меня обернуться и заметить, как выражение искреннего сострадания сменяется маской спокойного участия. И в душе рождается подозрение, что я для него не просто симпатичный объект контроля, а кто-то более значимый. Например, я интересую его как женщина... Однако нарушить приличия, не оправдать доверие императора и влезть в мои, пусть и насквозь фиктивные, отношения с королём Ланса – для Лерона неприемлемо.

– Полагаешь, Вейр так или иначе планирует устроить скандал? Независимо от моего решения? И на церемонии может произойти что-то... – запинаясь, не в силах представить, насколько коварные планы строит король. Наконец нахожу нейтральный вариант: – Неприличное.

– Всё зависит от того, насколько далеко готов зайти ош'Лак ради своих целей, – рассудительно заявляет Лерон.

– И как нам узнать, каковы же эти «цели»?! – в отчаянии, не в силах сдержать слёз, я смотрю на своего защитника.

– Надо спровоцировать короля на откровенность. До церемонии. И зафиксировать документально, чтобы последствия скандала не отразились на тебе.

– Спровоцировать... – мой мозг лихорадочно ищет способы и неожиданно находит имя той, которая определённо не в восторге от поступков своего брата: – Сестра ош'Лака! Как думаешь, она не откажется помочь?

– Фисса Лийли? – ти'Сэш задумывается. – Это возможно, но и твой брат в этом случае должен быть в курсе. Я не стану действовать за его спиной.

Я киваю, соглашаясь. Гриус тоже был недоволен неэтичными поступками короля в отношении своей будущей фаворитки. Наверняка угроза повторения провокаций заставит и его задуматься о страховке на случай, если король Ланса запретит Лийли принимать цветок на церемонии.

* * *

Понимая, что нельзя откладывать дело в долгий ящик, Лерон в тот же вечер переговорил с моим братом. И на следующий день, вместо того чтобы идти на назначенное Вейром свидание, я послала потенциальному «любовнику» записку с извинениями и жалобами на плохое самочувствие. Само собой, ответственное дело доставки было возложено не на местную прислугу, а на с радостью откликнувшуюся на нашу идею Лийли. Именно она направилась в апартаменты короля Ланса и сейчас, используя записку как повод, выпрашивает у брата истинную причину его настойчивости. А я нервничаю. Бегаю кругами по гостиной Гриуса, где брат приказал нам ждать, а сам занял стратегическую позицию вне зоны видимости лансианской охраны.

– Амиала, успокойся, не надо нервничать, – просит Лерон, осторожно поймав мою руку и вынуждая остановиться.

Я, с одной стороны, рада его прикосновениям и тому, как незаметно для самих себя мы оба перешли на неформальное обращение. С другой – прихожу в отчаяние от мысли, что моё влечение к томлинцу станет настоящей проблемой. Если я не смогу избавиться от притяза-

ний Вейра и стану его фавориткой, то меня и Лерона не будет связывать ничего. Напрасные надежды и обманутые ожидания...

– Ну как? Получилось?

Едва открывается дверь, бросаюсь навстречу вошедшим. И лишь оказавшись рядом, осознаю, насколько белое, потерянное лицо у Лийли и какой яростью сверкают глаза Гриуса.

– Что? Всё плохо? Совсем-совсем? – теряюсь, не зная, как расценивать их состояние.

– И да и нет, – объясняет брат, отводя лансианку к диванчику и усаживая на мягкое покрытие. – Информацию мы получили, но очень неоднозначную... Сейчас.

Он активирует вильюрер, который принёс с собой, включает запись и прибавляет громкость – видимо, записывающий датчик пришлось спрятать в платье девушки, оттого и звук получился тихий. Поначалу я вообще слышу лишь шуршание ткани и шаги, хлопок и наконец:

– Лийли? Не до тебя сейчас, я Амиалу жду! Где она?

– Она не придёт, записку просила отдать.

На несколько секунд снова наступает тишина – Вейр, по всей видимости, изучает текст, прежде чем уточнить у сестры:

– Плохое самочувствие? Хм... Лийли, в чём действительно дело? Может, причина иная? И Амиала недовольна мной и поэтому избегает встреч?

Не поверил. Как ни странно, в его голосе мне слышится какое-то радостное предвкушение, а не разочарование, закономерное в такой ситуации.

– Лёгкое недомогание, – в ответ спокойно поясняет лансианка. – Что до остального... Она не намерена тебе отказывать, не беспокойся. Амиала серьёзно настроена стать твоей фавориткой.

– Странно... Мне казалось, томлинка меня терпеть не может. – А вот теперь беспокойство появилось. И раздражение: – Я же вижу её неприязнь!

– Не знаю, что ты видишь, но она точно согласна пожертвовать собой ради империи. Чего бы это ни стоило ей лично.

– Уверена? – недоверчиво хмуро переспрашивает король.

– Абсолютно. Я сама была свидетельницей её разговора с Гриусом, – без доли сомнения заявляет Лийли, а когда слышит раздражённое «дорада!», огорчённо ахает: – Почему ты опять меня оскорбляешь? Я же хотела помочь...

– Помогла уже. В кавычках, – сердито шипит лансианин. – Зачем строила глазки этому... томлинскому прихвостню? Он отказаться от тебя должен был, а не принимать с распростёртыми объятиями!

– А я тут при чём, если он мне понравился? – потерянно лепечет девушка.

– Никогда вы, женщины, не виноваты! – заводится король, не в силах сдержать гнев. – У одной мозги отказывают из-за влечения, вторая строит из себя никому не нужную жертву! Все планы мне путаете!

– Да что не так-то? Ты же сам хотел увезти её на Ланс. Она согласна, значит, всё хорошо, – непонимающе шепчет девушка. – Вейр?

– Дихол! Ты что, не поняла? Даром мне не нужна мне эта строптивая томлинка! Кто ж знал, что она согласится?!

– Зачем тогда предлагал?

– Не твоего ума дело! – злится лансианин. – Лучше незаметно узнай её слабое место, чтобы я мог это использовать. Пусть Амиала взбесится и сбежит с церемонии, не приняв моего цветка. Поняла?

– Я постараюсь.

Снова слышатся шорох платья и шаги девушки, идущей к двери. Я было решаю, что запись закончилась, как слышу тихое бурчание короля: «Цесс будет доволен. Скандал я обеспечу».

Цесс? Эта планета одной из первых вышла из состава империи, когда наступил кризис! А Ланс, получается, с цессянами заодно?

В смешанных чувствах осознаю: Лерон был прав в своих подозрениях – Вейр меня использовал.

– Зачем? – наверное, не менее бледная, чем Лийли, я тоже опускаюсь на мягкое сиденье.

– Королю нужен твой публичный отказ, – хмурится брат. – Если отец его одобрит, то...

– То все увидят, что личные интересы для ферта Тогриса важнее интересов империи.

Что поставит под сомнение репутацию правящей династии, – заканчивает за него Лерон.

– Это низко – использовать чувства отца к дочери! – возмущаюсь я.

– У ош'Лака не осталось иного выбора. Ферт Гриус стойко проигнорировал провокацию. Я уверен – предложение взять Лийли фавориткой было первой попыткой получить нужную Лансу реакцию.

– Согласен, – отзывается брат. – А когда план сорвался, ош'Лак решил попробовать зайти с другой стороны.

– Он хотел обвинить нас в неуважении, чтобы... – я не осмеливаюсь озвучить пугающую догадку.

– Получить весомый повод показательно обидеться, разорвать все контакты Ланса с империей и потянуть за собой другие планеты, – зло припечатывает Гриус.

– Я не знала, прости... Ты теперь не захочешь, чтобы я была... твоей... – всхлипывает Лийли, роняя лицо в ладони.

– Никто тебя не обвиняет, – тут же меняет тон Гриус. Присев рядом с лансианкой, обнимает, успокаивая: – Ты не обязана отвечать за действия брата. И я от тебя не откажусь, между нами всё останется по-прежнему.

Чтобы им не мешать, я встаю и отхожу к окну, из которого виден вовсе не парк, а каменная гряда, за которой в необозримую даль уходит спокойная поверхность моря. Небо совершенно чистое, лишь в отдельных местах покрыто редкими белыми штрихами облаков. В вышине кружатся стайки лайрами, а вдали я вижу пару летящих жиралей с наездниками.

Мирно, красиво, безмятежно... Как жаль, что в наших душах нет такого же покоя и умиротворения.

– Амиала... – тихо говорит Лерон, подошедший ко мне совсем близко. – Нам лучше их оставить вдвоём. Не будем мешать.

Совет мудрый, своевременный, и потому я бесшумно выскальзываю в приоткрытую томлинцем дверь. Лишь в коридоре спохватываюсь: в свои покои идти нежелательно – гостевой этаж полон лансиан. И они несомненно донесут своему королю обо мне. А ведь по официальной версии я сейчас не очень хорошо себя чувствую.

– Не обязательно возвращаться, – словно почувствовав мою растерянность, подсказывает ти'Сэш. – Ты так внимательно смотрела на небо... Может быть, хочешь тоже полетать на жиралах? Просто отдохнуть и ни о чём плохом не думать?

Смотрю на него со смешанным чувством волнения и нерешительности. Мне так хочется ему довериться, раскрыться, надеяться на... Стоп! А почему я, собственно, не могу этого сделать? Ведь теперь, когда замыслы ясны, мне незачем соглашаться на незавидную роль ненужной королю, фиктивной фаворитки. И если лансианин всё же продолжит свою... игру, то пусть мужчины – мой брат и Лерон – сами поставят его на место. Это ведь в их интересах.

– С удовольствием, – соглашаюсь, потому что перспектива сбежать из дворца, забыть о Вейре и проблемах заманчива. – Только нас могут заметить.

– Во дворце существуют и тайные переходы. Так что, идём?

Вместо ответа я просто беру его за руку. В оранжевых глазах Лерона вспыхивает радость, а мою ладонь он крепко сжимает, показывая, что не намерен отпустить.

В аэрариум, расположенный под крышей дворца на верхнем этаже нам удаётся пробраться незамеченными. В эти часы больше желающих прокатиться на агралях по спокойному морю, нежели тех, кто хочет подняться в небо. Так что зрители бросаются к нам с энтузиазмом, чтобы помочь выбрать птиц.

Сначала я хихикаю, наблюдая, как смешно громоздкие, покрытые цветным пухом жирали прыгают в нетерпении, высоко вскидывая длинные тонкие ноги, – они этим нас пытаются привлечь, показать, насколько хороши. А потом в сомнении стою перед распластавшейся у моих ног нежнобежевой птичкой, свернувшей часть своих многочисленных крыльев так, чтобы между ними получилось «кресло».

– Тебе не нравится её цвет? – интересуется Лерон. – Можешь взять другую.

– Нравится, просто... Она ведь без упряжи, и это, кажется, ненадёжно.

– Разве ты, когда была маленькой и гостила на Вионе, на таких не летала?

– Так я не одна летала, а вместе с отцом, – пожимаю плечами, застенчиво улыбаясь. – Он меня держал.

– Тогда...

Лерон размышляет лишь мгновение, а потом подхватывает меня на руки и, решительно шагнув к животному, усаживает ближе к шее жирали, а сам устраивается позади.

Оглушённая громким стуком лихорадочно забившегося сердца, я всё же слышу:

– Тогда мы вместе полетим.

Вместе... Это действительно замечательно, когда есть тот, на кого можно положиться, кто позволит чувствовать себя уверенно и безопасно!

Можно не думать об управлении, необходимости сохранять равновесие, просто смотреть вперёд, полной грудью вдыхать влажный воздух, наполненный ароматом соли и водорослей, радоваться сильному потоку ветра, треплющему волосы и развевающему одежду... Наслаждаться бескрайним простором неба, глубокой синевой воды, необычным, но бесконечно красивым зелёным морем растений, стремительно проносающимся под нами. Рассматривать прямые, веером расходящиеся от центральной площади улочки города и непривычные дома вионцев – с заострёнными крышами, невысокие, из серого камня, совсем не такие, как на Томлине.

Рука Лерона, та, что не занята контролем над жиралью, уверенно оплетает мою талию, крепко прижимая к корпусу мужчины. И я, даже если бы имела желание обвинить томлинца в несоблюдении приличий, вряд ли смогла бы это сделать – иначе сидеть «конструкция» птички не позволяет. Но я не вижу смысла в возмущениях, меня всё устраивает! Да и мой спутник, кажется, тоже более чем доволен прогулкой. С интересом осматривает окрестности, с лёгкостью направляет птицу ещё выше, а потом неожиданно заставляет её снизить высоту, заскользить в воздушном потоке над грядой скал и, сделав разворот, приземлиться на площадку.

– Пусть отдохнёт немного, – поясняет Лерон, выбираясь из вороха пушистых перьев и помогая мне.

Уверенно опираясь на руку мужчины, я спрыгиваю на камни, оправляю юбку и с любопытством осматриваюсь, не очень понимая, почему он выбрал это место. Возможно, потому, что здесь, кроме нас, никого нет?

– Быстро летает. И всё же это не краг, – тихо произносит Лерон с лёгким оттенком сожаления, погладив перья покладисто улёгшейся на брюшко жирали.

– Ты тоже соскучился по своему ящеру? – проявляю я понимание.

– Конечно, – кивает мужчина, смотрит на меня и неожиданно признаётся: – Но дело не только в этом.

– А в чём? Я не понимаю, Лерон.

– Прости, Амиала, если я вдруг тороплю события. Помню, что официально твои отношения с ош'Лаком не завершены. Обещаю, я приложу к этому все усилия.

– Спасибо, – теряюсь с ответом я.

– Ты достойна быть счастливой и любимой. Ты спрашивала, о чём я думал... Я представил нас вдвоём на краге.

Ух... У меня сбивается дыхание, кровь приливает к щекам, и я в смущении опускаю взгляд. Вдвоём на краге это... Это свадебная традиция. Получается, Лерон хотел бы видеть меня своей женой? И всё же оставляет свободу выбора.

– Ами, ты позволишь мне надеяться на будущее рядом с тобой? На нормальные отношения, когда весь этот ужасный фарс с участием лансианского короля закончится? Ты мне очень нравишься. Давно. С тех самых пор, когда я впервые тебя увидел во дворце.

– Почему же ты ничего не... сделал? – спрашиваю я, имея в виду вполне ожидаемые в той ситуации попытки спровоцировать влечение.

– Потому что не считал свою симпатию уместной. После неприятного случая с браком твоей старшей сестры, я не хотел провоцировать подобный скандал с твоим участием. В окружении императорской семьи есть более достойные и статусные женихи для тебя, чем я.

– Что же изменилось сейчас? – продолжаю я расспрашивать, разгребая носком туфельки мелкие камушки, лежащие между крупными валунами.

– Меня обнадёжило проявленное ко мне доверие императора, поручившего заботиться о тебе. Одновременно инициатива ош'Лака стала помехой. Я не понимал, как можно настолько пренебрежительно относиться к замечательной девушке. И ничего не мог поделать, оставаясь лишь наблюдателем. А теперь осознал, что не смогу тебя отпустить и дальше сохранять напускное безразличие. Ами, я не представляю своего будущего без тебя.

Приятно... И мне так хочется ответить ему согласием сразу, сказать, что я с радостью приму его ухаживания. Однако всё же медлю. Подняв камешек, подхожу к краю обрыва и с размаха бросаю его в море.

– Осторожнее! – схватив в охапку, Лерон заставляет меня отступить на безопасное расстояние.

Оказавшись в его руках, я разворачиваюсь, чтобы заглянуть в полные волнения глаза. Положив ладони на грудь мужчины, даже через грубую ткань кителя чувствую сильные удары сердца, сопровождающие тяжёлое дыхание.

– Напрасно ты не сказал о чувствах на Томлине, – не удерживаюсь от укора. – Те женихи были как скучные дорады, им до меня не было никакого дела. Лишь бы породниться с императорской семьёй. А теперь вот ещё и Вейр...

– Я же сказал, что он тебя не получит! – сердится Лерон. – И ты слышала – ему нужен скандал, а не ты.

– А если король всё же передумает? И решит, что как фаворитка я тоже ему буду выгодна... – не сдаюсь я, с непонятной даже мне самой упрямой настойчивостью.

Осознание приходит, лишь когда Лерон, яростно рыкнув, неожиданно сильно сжимает меня в объятиях, притягивая совсем близко, и наклоняется, чтобы завладеть моими губами, сорвать с них мой краткий вздох, запечатать своим ртом и не позволить вырваться.

Провокация... Пусть так, но я всё же добила того, чего хотела.

* * *

– Фисса Лийли Яла Олиин, я благодарен судьбе за нашу встречу. Прошу принять этот скромный дар, который не идёт ни в какое сравнение с вашей красотой, и стать моей фавориткой.

Мужская рука протягивает оранжевый цветок радостно улыбающейся красноволосой девушке в нарядном платье нежно-розового цвета, с пышной юбкой и роскошной алой вышив-

кой на корсаже, которое на фоне сине-голубых мозаичных стен, украшенных золотыми вставками, смотрится ярко и вызывающе.

Однако сейчас на фоне других присутствующих лансианка не кажется броской – зал для официальных встреч, в котором нас приветствовали по прилёту на Вион, заполнен гостями, одетыми в традиционные для своих планет наряды. Здесь все собрались после завершения заседаний имперского совета. Последний день – прощание с правящей династией, обещания новых встреч, договорённости... Завтра все, а кое-кто даже сегодня, едва всё закончится, поспешат вернуться на свои планеты.

Однако пока действо в самом разгаре: торжественные речи, вручение памятных подарков от вионской стороны и... Да-да, та самая церемония дарения цветов, которой с таким нетерпением ждал мой брат, и которая нервировала меня, несмотря на заверения Лерона.

– Мы поздравляем ферта Гриуса и фиссу Лийли. Приняв цветок, она становится его официальной фавориткой, – ферт Горан, на правах хозяина дворца, одобряет происходящее. И в его голосе куда больше искренней радости за молодую пару, чем в пафосной речи короля Ланса, который вынужденно, как брат фаворитки, тоже должен хоть что-то сказать:

– Похвально следование замечательной цессянской традиции. Планета уже давно не в составе империи, а идею переняли и сохраняют все разумные представители Объединённых территорий.

Сиреневые глаза лансианина с недовольством рассматривают счастливую сестру в объятиях Гриуса. Всё, Вейр больше не имеет права вмешиваться в её жизнь. Я заметно успокаиваюсь – благополучию брата и Лийли больше ничто не угрожает. Часть договорённостей ош'Лак выполнил и возражать против выбора сестры не стал.

Новое видение ситуации возникло у короля вовсе не по собственной инициативе, а после того, как ему было предложено сохранить лицо и взамен разрешить нам увезти Лийли-фаворитку на Томлин, ну и, разумеется, ему самому отказаться от своих намерений в отношении меня.

Честно говоря, мужчинам моей семьи пришлось непросто. Изначально Вейр воспринял факт существования записи как блеф, пока не убедился в её реальности.

Родителям мы с Гриусом рассказали практически всё, но без лишних подробностей. Несмотря на это, отец тревожно хмурился, а мама потрясённо ахала.

Лерон, который тоже при этом присутствовал, подтвердил нахальство Вейра и, скорее всего, попросил у моего отца официальное разрешение на наши отношения. О последнем я могла лишь догадываться – меня мама увела из кабинета, где мужчины остались разрабатывать стратегию.

Зато с этого момента отец дважды приглашал безопасника поиграть в «Ривус» в родительской гостиной, а Гриус, к которому вновь вернулись обязанности за мной присматривать, без опасений оставлял меня наедине с Лероном.

Томлинец даже не думал упускать предоставленную ему возможность за мной ухаживать: едва я оказывалась в его объятиях, теряла счёт времени. Расставаться, пусть и ненадолго, с каждым днём становилось всё невыносимее.

Я даже сейчас, когда мы не одни, не могу не искать его взгляда – настолько важен мне он сам, его поддержка. Как воздух необходима уверенность, что всё будет хорошо. Я вижу её в любимых глазах. Однако в них не только она, но и не скрываемое негодование – холодное, жёсткое. Разумеется, направлен негатив не на меня, а на короля Ланса, который продолжает свою речь:

– Как я уже сказал, в личных отношениях крайне важно сохранять разумность и осмотрительность. И мне крайне неприятно, что именно эти качества отсутствуют у дочери соимператора, фиссы Амиалы... Увы, она не в состоянии по достоинству оценить перспективы быть фавориткой статусного мужчины. Объект её симпатий далёк от идеала и приличий. Хотя я

нисколько не удивлён этим фактом. Судя по соимператору, все томлинцы относятся с пренебрежением к традициям и не видят ничего предосудительного в нарушении правил. А я не вижу смысла поддерживать контакты с представителями настолько несговорчивой планеты.

– Подождите, ферт Вейр... – подаёт голос соимператор Литт, грузно поднимаясь с кресла. – За вас сейчас говорит личная обида, а должно звучать взвешенное решение правителя. Мы всегда можем найти компромисс. Разве не в этом смысл существования Объединённых территорий?

– Прошу прощения, ферт ди'Дон. К вам лично я испытываю лишь искреннее почтение и уважение, – ош'Лак сбавляет напор и, приложив ладонь к груди, коротко ему кланяется. Вот только недовольство в его голосе всё равно остаётся: – Однако к вашему соправителю, – сиреневые глаза бросают злой взгляд на моего отца, – у нас уже давно имеются претензии. И теперь они находят новое подтверждение. Ферт цу'лЗар собственную дочь не может воспитать в имперских традициях и привить ей правильные ценности, что уж говорить о его навязчивом стремлении остаться у власти над Объединёнными территориями, управлять которыми он не имеет никакого морального права!

– Выбор моей дочери не имеет отношения к политике, – подаёт голос мой отец. – Она не отказала вам и была свободна, когда вы выразили намерение за ней ухаживать. Вы имели возможность завоевать её симпатию, но потерпели неудачу. Обвинения и гнев здесь абсолютно бессмысленны.

– А я уверен в обратном, – не сдаётся Вейр. – Подлый умысел налицо! Вы всё это спланировали, желая меня унижить!

– Означает ли это, что вы ставите ультиматум? – мрачнеет ферт Литт.

– Да! – несдержанно восклицает красноволосый король. – Либо Тогрис Ламин цу'лЗар сложит с себя полномочия соимператора, либо Ланс выйдет из состава Объединённых территорий!

По залу мгновенно покатывается волна изумления: «Неслыханная наглость! Что за раздутое самомнение!» Присутствующим сложно сдержаться, остаться равнодушными, не показать того, как их шокируют слова правителя лансиан.

В глазах отца я вижу гнев и боль, всё же Вейр Шин ош'Лак сумел задеть за живое.

– Присяга, которую приносит будущий император, обратной силы не имеет, – качает головой ферт Литт. – Вы требуете невозможного.

Презрительная усмешка ложится на губы лансианина. Он отступает на шаг и уже издевательским жестом прикладывает руку к груди, всем своим видом показывая – это было не его решение, теперь вина полностью лежит на соправителях империи.

– Ещё не поздно последовать моему примеру! – бросает громко, испытующе обводя глазами присутствующих. Демонстративно медленно разворачивается и, чеканя шаг, покидает зал.

Следом за ним уходит делегация лансиан. Лийли – единственная оставшаяся здесь представительница Ланса – с грустью смотрит на громко хлопнувшую дверь. Соотечественники шли равнодушно, даже не оглянулись на девушку. Теперь на родную планету ей не вернуться даже на время погостить. К лучшему, что теперь она под покровительством Гриуса. Я в брате уверена, Лийли он не бросит.

«Его послушать, так наши предки были дорадами, когда создавали Объединённые территории!»

«Такие сомнительные мотивы! Смешивает личную неприязнь и политические вопросы...»

«Ему не стыдно? Решение о создании пары исходит от мужчины, но многое зависит от симпатии женщины. Это пятно на репутации самого ош'Лака – не сумел добиться влечения...»

Шепотки за моей спиной дают надежду, что представители других правящих династий не намерены сиюминутно действовать в угоду интересам Вейра.

Как хорошо, что речи одного выскочки не смогли повлиять на общее мнение! Несмотря на скандальный уход Ланса, остальные планеты всё же останутся в империи. Стало быть, угроза распада не настолько неотвратима и ужасна. Маленькая победа, приправленная лёгкой горечью, которую, увы, сложно будет забыть. Зато можно смотреть в будущее с оптимизмом...

* * *

– Ами, я не закончила! Не крутись, причёску испортишь, – возмущается Майра, больно дёргая меня за волосы.

– Ай! Осторожнее! – невольно восклицаю я, хоть и понимаю – сама виновата.

Впрочем, быстро забываю обо всём, кроме одного – свадьба! У меня сегодня свадьба, а это значит...

– Платье ещё не принесли? – в нетерпении смотрю на закрытую дверь в отражении зеркала.

– Со вчерашнего вечера висит в шкафу, – качает головой компаньонка. – Ты такая рассеянная, Ами! Неужели и я в день замужества буду вести себя как дорада?

– Просто я счастлива. И хочу быть самой красивой для Лерона.

– Будешь, не сомневайся! Он не сможет отвести от тебя глаз. Гарантирую.

Хоть я и смеюсь, а в итоге она оказывается права – когда мы заканчиваем подготовительные хлопоты, в зеркале я вижу изящную фиссу в длинном золотистом платье. Наряд подчёркивает достоинства фигуры и в сочетании с убранными в высокую причёску волосами смотрится потрясающе.

А за окном уже начинает темнеть – Ион почти скрылся за горизонтом, и небо раскрасилось яркими оранжево-малиновыми красками. Настаёт время для торжества. Изнуряющий дневной зной утих, ничто не будет мешать гостям разделить с нами радость праздника.

В нетерпении, которое так легко объяснить, я бегу по коридорам дворца, не замечая приветствующих меня придворных. Впрочем, их здесь не так много – большинство расположилось на балконах и у крыльца, чтобы видеть, как королевская чета отправляется на прогулку от замка к городу. Совсем краткую – наши краги добираются до приземистых зданий раньше, чем розовый Ион окончательно скрывается под горизонтом.

Сидя на спине моего ящера, я нервничаю и невольно ищу глазами Лерона, хоть и знаю, что его нет среди тех, кто сопровождает меня и родителей. Жених ждёт нас на площади – такова традиция. Да, я знаю, многие теперь её нарушают, но большинство старается следовать древнему ритуалу.

Оставив крагов у специально сооружённых для них загонов, последнюю часть пути мы идём пешком.

– Амиала, замечательно всё сложилось! – радостно щебечет Лийли, по случаю торжества сменившая лансианское платье на бежевый с розовой отделкой наряд томлинки – Поздравляю! Пусть твой избранник будет таким же замечательным, как мой Гриус!

– Лийли! Ты совсем меня захвалила, – добродушно ворчит брат, который на удивление быстро свыкся с ролью любовника и с фактом, что в его жизни, после того как женится, всегда будет две любимые женщины, а не одна. – Ами, будь счастлива с Лероном. Прости, что я чуть не подтолкнул тебя к недостойному империанину.

– Дело прошлое, меня больше свадебный танец волнует! – делюсь я переживаниями.

Отец, идущий впереди, коротко на меня оглядывается, и в его глазах я вижу сопереживание. Но он предпочитает промолчать в отличие от мамы:

– Успокойся, дочка. Хотя, что скрывать, я перед свадьбой волновалась не меньше!

На маленькой улочке, ведущей к центру города, всё дышит ожиданием и предвкушением: бесчисленные яркие огоньки светильников сопровождают нас и наших гостей, в окнах горожан – любопытные лица, а над крышами домов в темнеющем небе загораются первые звёзды.

Площадь тоже празднично украшена. На ней установлен невысокий помост, застеленный белой тканью, вокруг расположились нарядные гости, весело обсуждающие предстоящее событие, и шесть, целых шесть влюблённых пар, ожидающих начала церемонии!

Я безмерно рада, что мы с Лероном не единственные, кто желает пожениться сегодня! Одновременный свадебный танец – это давняя томлинская традиция, добрый знак, который обещает каждой молодой семье счастливую и благополучную жизнь.

Но я заметно тороплю события – всё же свадьба с участием королевской семьи, а это значит – без торжественной речи отца не обойтись.

– Приветствую моих подданных! Сегодня у нас счастливый повод для встречи – моя дочь, фисса Амиала Нийрез Ламин, выходит замуж за ферта Лерона Ави ти'Сэша.

Стоя на помосте рядом с родителями, я наконец нахожу глазами своего жениха. Он, в парадном светлом мундире с золотистой отделкой, стоит в окружении родных. Красивый, приятельный, такой нужный мне! Я взгляда от него не могу отвести, получая взамен не менее восхищённый. Скорей бы танцевать!

– Она сделала достойный выбор! – продолжает отец. – Я ценю надёжность и смелость представителей династии ти'Сэш. Но поскольку праздник не только у нас, я поздравляю всех томлинцев, которые женятся в этот день. Пусть благополучие россыпью томлитонита придёт в их дома.

Мы спускаемся с помоста под первые звуки музыки, пока ещё тихой, робкой, звучащей словно в предвкушении.

– Ферт Тогрис, для нас большая честь породниться с вами! – с уважением говорит подошедший ближе отец Лерона. – Наша лояльность к вам и вашим потомкам останется по-настоящему искренней на долгие столетия.

Кажется, мой папа тоже что-то ему отвечает, но я уже этого не слышу. Смотрю лишь на того, кто не сводит с меня глаз, мягко касается моих опущенных рук, забирая в свои и крепко сжимая.

– Наша жизнь будет полна любви и понимания. В ней не будет горечи разочарований и недоверия. Обещаю, – шепчут его губы.

И я ему верю.

Верю, что танец навсегда свяжет наши жизни в неразрывное целое. Верю, что каждый шаг, который мы сейчас делаем, станет приятным воспоминанием на долгие годы. Верю, что с каждым прожитым днём мы будем лишь сильнее ценить друг друга. Верю, что досадный скандал с участием Ланса исчезнет из памяти, как ветер стирает следы на песке Томлина. Верю, что наши дети увидят, как империя станет прежней – великой и единой.

Верю... Потому что люблю!

Убедившись, что сенсационное доказательство не утеряно и послужит неопровержимой уликой, я сворачиваю изображение и открываю экран со своими заметками. Свежим взглядом пробегаю по написанному, проверяя стиль и суть изложения.

«Пора положить конец намеренному искажению реальной информации и раскрыть уникальные факты, которые могут пролить свет на давние интриги главного манипулятора всей империи! Разумеется, речь пойдёт о планете Цесс и её приспешнике – Лансе. Грязные тайны и подлые поступки не имеют срока давности! Скорее наоборот, то, что происходило накануне распада империи, становится особенно показательным! В то время как представители большинства планет демонстрировали лишь некоторую неуверенность, ставя под сомнение целесообразность существования империи, цессяне и лансиане активно занимались кознями и провокациями, расшатывая доверие к соимператорам, которые все силы прикладывали для сохранения целостности Объединённых территорий!»

Фух... Прочла, и аж самой жарко стало. Пусть теперь только попробуют наглые цессяне продолжать ставить себя в пример остальным! Благодаря моей статье все увидят, что ревностный блюститель традиций, образец верности и лояльности империи, на поверку таковым не является. И опирается на лживые аргументы, заставляя других действовать, казалось бы, на общее благо, а на самом деле – в своих интересах!

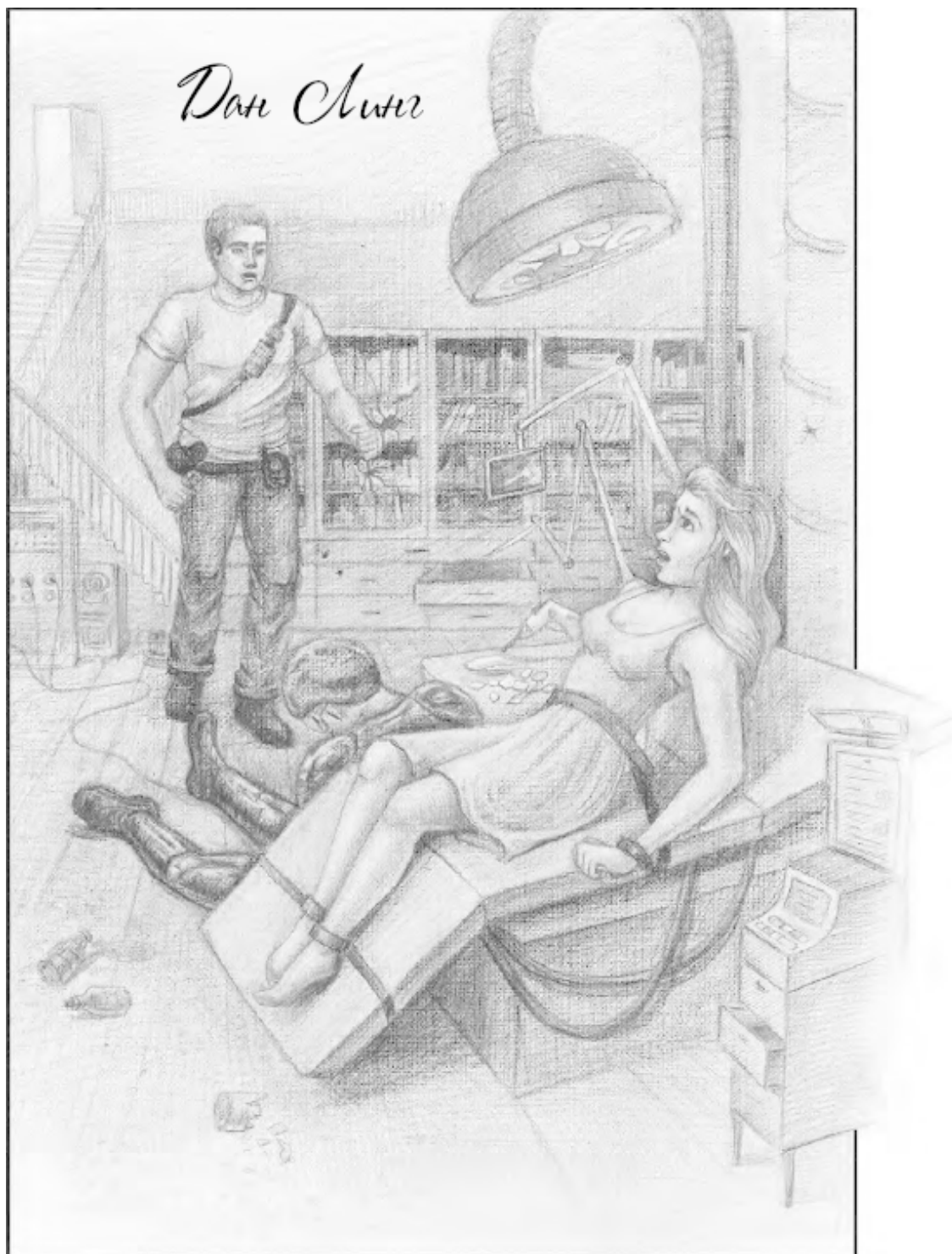
Вернулась глазами к тексту, продолжила вычитку.

«Популяризация знаменитого цессянского института тройственной семьи требует особого рассмотрения. Как убеждают нас сторонники этой формы личных отношений, в жизни мужчины допустима лишь одна фаворитка. Это непреложная истина, которая легла в основу соответствующего закона, потому что якобы сохранялась неизменной на протяжении восьми тысячелетий с начала развития цивилизаций наших миров. Именно “якобы”! Мы снова имеем наглую подтасовку реалий, ведь у короля Шенора и его сыновей имелось сразу по несколько официальных любовниц! И этот факт датирован всего лишь трёхсотым годом до основания империи».

Вроде неплохо, но... Что-то я всё же упустила. М-м-м... Имя! Надо обязательно указать имя короля. Эх, не воспроизведу на память, придётся в источнике искать.

Выбрав в списке документов нужный, я запускаю просмотр...

Дан Линг Огни Шенора

Огни Шенора

У меня в кармане вибрирует портативный коммуникатор.

«Привет, любимый. Твой ком в кабинете не отвечает, значит, ты опять на задании и пропустишь обед. Заранее целую. Что приготовить на ужин?»

– Опять Ирна? – на лице моего напарника, комиссара Кивана, я вижу ехидную ухмылку. Она всегда появляется, когда речь заходит о моей супруге. Сам-то он не женат.

– Разумеется, как по часам. Бойтся, что я вляпаюсь в историю с этой работой, – отвечаю я, одновременно набирая ответ: *«Что-нибудь, что можно быстро разогреть – возможно, я буду позже обычного. Не скудай, целую, обещаю приехать живым».*

– Тебе бы, Сато, не о личном думать. Наверняка случилось нечто ужасное, раз нас вызвали в королевскую резиденцию, – советует напарник, размашисто вышагивая по коридору следственного комитета.

Я от него лишь отмахиваюсь. Понятно, что просто так следователей Девятого отдела секретной службы во дворец приглашать не будут. И вдвойне настораживает, что подробности обещали сообщить лишь на месте. Дело определённо будет непростым...

Охрана, встретившая нас у ворот, молча сопровождает весь оставшийся путь. Мы проходим через двор, мимо золочёного памятника королевской семье – круглого и величественного мемориала, состоящего из множества статуй, которые добавляют или убирают в зависимости от капризов действующего монарха. Шагаем сквозь арочный проём, украшенный резным орнаментом, и поднимаемся по широкой, но состоящей всего лишь из шести ступеней светящейся лестницы. Идём к Малому бальному залу, где обитатели дворца учатся танцевать.

Едва увидев на дверях этого зала следы от мелких осколков, я осознаю – на наших глазах творится история. По телу бежит лёгкая дрожь, тем не менее я беру себя в руки и переступаю порог.

Мрачные предположения моего напарника оправдались: всемогущий король Шенора Трезен Реш ви'Дланс мёртв. Лежит, раскинув руки, упираясь головой в стену собственного дворца. И даже без экспертизы понятно, что он умер от взрыва: зал разгромлен, в центре воронка, покрытие пола вздрвано, зеркала на стенах разбиты, а со стен и потолка отлетела часть лепнины. Но самое жуткое зрелище – останки фаворитки короля. Похоже, девушка попала прямо в эпицентр, и то, что от неё осталось, вызывает лишь содрогание.

Для жителей Шенора взрывы – явление обыденное. Волею судьбы мы живём на планете, которую постоянно бомбардируют бесчисленные метеориты. Именно поэтому города у нас все без исключения расположены глубоко под землёй. Беднота населяет искусственные тоннели, а те, кто побогаче, могут позволить себе соорудить подобия зданий в громадных пещерах. Острой необходимости в этом нет, но нас упорно тянет к тому, чтобы обустроиться так же, как это делают обитатели других планет.

Именно в одной из таких пещер стоит дворец короля. Над ним даже сияет имитация неба. И точно есть что-то зловеще-символичное в том, что заговорщики выбрали именно взрыв в качестве метода устранения главы правящей династии и именно в этом самом месте, так непохожем на остальной Шенор.

– Добрый день, комиссар Сато. Гм... Если можно так сказать, конечно, – грубовато шутит полковник Дилхел, крепко сжимая в руках папку с бумагами.

Невысокий, смуглый, да ещё и в очках, он меньше всего похож на начальника Третьего отдела криминалистики. А ведь так, по сути, и есть. И это его подчинённые сейчас досконально изучают каждый миллиметр зала.

– Сказать-то можно, только факта это не изменит, – я выразительно смотрю на тело короля, которое аккуратно накрывают чёрной тканью.

– Н-да... Да... Факт есть факт, – в тон мне соглашается полковник. – И то, что расследовать пригласили именно вас...

– Оставим формальности, – морщусь я, прекрасно понимая, в чём проблема. – Я, как и вы, вовсе не рад, что дело оказалось в нашей юрисдикции. Все тайные операции в ведении вашего отдела.

– В том и вопрос, что никакой тайны тут нет. – Полковник Дилхел хмурится, но продолжает: – Взрыв произошёл внутри фаворитки короля, фиссы Адхи Цинлиф. Она оказалась убийцей-смертницей. Не исключено, что сама не знала о том, что её используют. У девушки не совсем обычная биография. С детства она страдала рядом врождённых заболеваний, в частности ей пришлось заменить ноги и часть внутренних органов на искусственные.

– Так она скрытый механоид? – до этого благоразумно молчавший, Киван не смог сдержать возгласа удивления. И это понятно – чаще всего протезы носят ветераны бесчисленных войн между Шенором и другими мирами, а уж никак не леди из высшего общества.

– Именно. А ваш Девятый отдел специализируется как раз на таких делах.

– Понятно, – я вынужденно киваю. – Что ещё известно на данный момент?

– Не очень много. Ждём заключения от экспертов о природе взрывчатого вещества и о состоянии охранных систем. Дело в том, что даже фавориток короля перед входом во дворец тщательно проверяют... – Полковник, деловито раскрыв папку и перебрав бумаги, достаёт скромную пачку из десяти листов. – Вот досье персонального врача фиссы Цинлиф и личные дела всех дежуривших в эти сутки стражников. Думаю, вы захотите начать с них.

Я бегло просматриваю дела и передаю их Кивану. Увы, глаз ни за что не зацепился – обычные лица обычных шенориан.

– Среди стражи короля нет механоидов? – спрашиваю у Дилхела и сразу замечаю, как он замялся.

– Для королевской семьи это деликатный вопрос. Большинство механоидов – ветераны войн, среди них могут оказаться безумцы, считающие, что король лично виновен в их увечьях. И это несмотря на то, что мы уже много лет формируем общественное мнение о механизации тела как крайне почётной и уважаемой процедуре. Потому да, среди стражи механоидов нет. Это личная инициатива начальника стражи. Тем более странно, что король выбрал себе в фаворитки Адху Цинлиф, но об этом лучше расскажут обитатели дворца. А сейчас, извините, у меня тоже масса работы.

Полковник направляется обратно к своим людям, а мы с Киваном остаёмся один на один с вручёнными нам делами.

– С чего начнём, комиссар Сато? – спрашивает у меня напарник.

– Думаю, с начальника стражи Псорна ви'Дланса. Он сейчас обязан быть здесь.

* * *

– Нет. Я уверен в своих людях как в самом себе. Они проходят тщательную проверку. И регулярные тесты. А вот любовницы покойного короля и его сыновей... Тут у меня, дихол их раздери, нет власти. Принцы приводят кого хотят. И развлекаются с этими... гостями, где хотят. Нас могут даже не поставить в известность.

Начальник дворцовой стражи – высокий худощавый субъект с необычайно тёмными для шенорианина волосами и активной мимикой – дёргается и оправдывается рваными, не такими

уж литературными фразами. Хотя мы и ведём допрос в его же собственном кабинете, он явно чувствует себя некомфортно. Ещё бы – карьера, а то и жизнь сейчас висит на волоске.

– Что вы можете сказать о фиссе Цинлиф? – Киван продолжает допрос, пока я пытаюсь составить психологический портрет этого шенорианина, делая вид, что безразлично рассматриваю убранство кабинета.

К слову, в нём действительно есть на что посмотреть: в прошлом начальник стражи был известным спортсменом, потом адмиралом флота. Так что в кабинете все полки заставлены наградами и трофеями. К тому же Псорн ведь носит династическое имя ви'Длансов, является троюродным братом короля. И, на мой взгляд, он достойный претендент на трон, хотя публично отрёкся от прав на него ещё лет двадцать назад. Добрый, отзывчивый, не лишённый чувства юмора, уважаемый всеми подчинёнными. Не хочется его подозревать, но служба обязывает...

– Король всегда любил странных девушек. Но в страсти к Адхе превзошёл сам себя. – Псорн нервно черкает на бумажке какие-то узоры. – Я всеми силами старался оградить его от ветеранов войн, особенно от механоидов. Но при этом делал ставку на ветеранов в целом. А нужно было внимательнее присматривать именно за механоидами, причём любыми, включая гражданских. Не рассчитал, что опасность придёт именно оттуда.

– Если можно, поподробнее о детстве фиссы Цинлиф и обстоятельствах знакомства с королём, – напарник старается говорить с непроницаемым лицом, хотя мне видно, что его крайне напрягает личность допрашиваемого.

– Трезен питал слабость к балеринам, а Адха была очень красива и изящна. – Отодвинувшись от стола, Псорн достаёт из ящика и протягивает нам фотографию стройной кудрявой блондинки в бальном платье. – Её ноги – настоящий шедевр врачей и инженеров. Визуально неотличимые от плоти, они не уставали и не стирались. Родители Адхи, обычные разорившиеся дворяне, все свои сбережения вложили в дочь. Она родилась очень больной девочкой: куча операций и замена части органов искусственными прямо с рождения. Но вряд ли они могли предвидеть, что однажды в поисках очередной любовницы король приедет именно в её танцевальный класс и влюбится без памяти.

– Вы проверяли связи фиссы Цинлиф? Может, было что-то подозрительное?

– Король не одобрял подобные проверки, но мы их всё равно проводили. На первый взгляд, всё было чисто. Хотя один момент всё же меня насторожил: её протезы были изготовлены в той же клинике, где проходят механизацию и обслуживание бойцы элитного отряда «Панцирь Б», а он, сами знаете, состоит из ветеранов, потерявших свою боеспособность. Я бы на вашем месте начал копать именно там. Ведь кто-то встроил в фиссу бомбу, да ещё так виртуозно, что наши датчики ничего не засекли.

«Панцирь Б»...

Разумеется, нам с Киваном хорошо знаком этот элитный отряд. Он комплектуется из раненых солдат, у которых полностью ампутировали руки и ноги или же по максимуму заменяли внутренние органы. То, что оставалось от человека, закрывалось специальным скафандром марки «драгун», после чего бойцы становились чем-то вроде доспехов с человеческой головой. Нет-нет да кто-нибудь из этого отряда сходил с ума либо связывался с бандитами и становился очередным клиентом нашего Девятого отдела, специализировавшегося на связанных с механоидами уголовных делах. Последнее громкое дело, связанное с подразделением «Панцирь Б», произошло всего пару месяцев назад: боец отряда ворвался в дом к бывшей любовнице и устроил там настоящую бойню. После этого на Шеноре начали поговаривать о запрете деятельности этого подразделения.

– С этого момента поподробнее, – я наконец вмешиваюсь в разговор. Жизнь давно научила меня не верить в случайные совпадения. Все государственные перевороты совершают военные, и раз в подобном деле они проявили себя, в любом случае это следует проверить.

– Клиника «Элитпротез», – Псорн пожимает плечами. – Мы их проверяли множество раз, но у семьи Цинлиф был отдельный врач, специализирующийся лишь на гражданских заказчиках.

– У вас есть отчёты по этим проверкам? – уточняет Киван.

– Разумеется. – Начальник стражи достаёт с одной из полок папку и вручает нам. – Здесь всё, что я смог собрать на семью фиссы Цинлиф, включая те данные, что получены... нелегально вопреки приказу короля.

– Спасибо, – я широко улыбаюсь собеседнику и пожимаю ему на прощание руку. – Вы очень помогли следствию. Нам нужно идти, но если вдруг вспомните ещё что-то, вы знаете, как нас найти.

– Разумеется. – Псорн с облегчением возвращается к своим делам.

– Что насчёт него думаешь? – интересуется Киван, когда двери кабинета закрываются за нашими спинами.

– Вряд ли врёт. Нам нужно съездить в эту клинику...

Отвечая, я заглядываю в коммуникатор и вижу новое сообщение, пришедшее от жены: *«Ладно, я схожу в магазин за заморозкой».*

«Не обижайся, малыш. Очень серьёзное дело, возможно, меня даже повысят», – пишу быстро, стараясь не отставать от идущего чуть впереди напарника.

* * *

Не люблю здание «Элитпротеза». Бывать в нём по долгу службы приходится регулярно, но впечатления каждый раз неприятные. Не отпускает ощущение, что архитектор целенаправленно запутывал коридоры, чтобы посетителям не так легко было найти нужное отделение.

Лишь через десять минут блужданий мы заходим в кабинет доктора Найзла, который уже взят под контроль сотрудниками отдела жандармерии.

– Ну хоть кого-то отправили ко мне! Может, хотя бы вы объясните, что здесь происходит? – бросается нам навстречу доктор. Пожилой суховатый мужчина, он искренне радуется нашему приходу. Ещё бы, он уже час не может работать из-за начавшегося в клинике обыска.

– Вы лечащий врач фиссы Адхи Цинлиф? – уточняет Киван.

– Да. Но я сегодня слышу этот вопрос уже по меньшей мере в десятый раз. Так что случилось-то?

– Доктор Найзл, мне кажется, вы не понимаете, кто здесь задаёт вопросы. Что ж, я буду откровенен и очень надеюсь на ответную честность, – суровый взгляд напарника пронзил доктора насквозь, и тот невольно поёжился, отступая к своему столу, чтобы сесть. – От этой честности зависит ваша жизнь. Одно лишь подозрение в малейшей лжи в ваших показаниях, и я вам гарантирую самую сырую и полную насекомых камеру до конца жизни. Так что хорошо думайте перед каждым ответом. И старайтесь отвечать максимально чётко и лаконично. Вам понятно?

– Да, – вот теперь доктор испуган по-настоящему, у него даже начинают дрожать пальцы, которыми он вцепился в подлокотники кресла.

– Тогда начнём сначала. Вы лечащий врач фиссы Адхи Цинлиф?

– Да, я.

– Вы автор её протезов?

– Не один я. Тут вся лаборатория постаралась.

– Но оперировали вы?

– Да.

– Когда вы последний раз проводили обслуживание её протезов?

– Двадцать дней назад. С тех пор я её не видел.

- Фисса что-то говорила о своих протезах? Может, жаловалась?
- М-м-м... нет. Она последний год вообще была не очень разговорчива.
- Вы сами заметили что-нибудь странное в её протезах?
- Уф-ф... Ну...

Доктор в очередной раз мнётся, и я не выдерживаю.

– Он бесполезен, – припечатываю жёстко. – Передадим дознавателям для допроса с пристрастием.

Киван кивает, и мы оба делаем вид, что собираемся уходить.

– Стойте! – Найзл аж подскакивает в кресле. – Стойте, я всё расскажу! Клянусь!

Напарник вопросительно смотрит на меня, и я махаю рукой типа «ладно, дадим шанс».

– У вас половина попытки, доктор, – мрачно сообщаю допрашиваемому.

– Да, заметил. Ещё как заметил, – на глазах доктора появляются слёзы. – Последние три раза она приходила с нелегальными модификациями.

– Что значит нелегальными? – насторожился Киван.

– Военного образца. Не все модификации разрешены гражданским.

– Где они были установлены?

– Я не знаю. Честно! Но точно не в нашей клинике.

– Откуда такая уверенность?

– Швы и соединения сделаны на оборудовании, которое мы не используем. Такое применяется в основном в полевых условиях, во время боевых действий.

– Почему не доложили?

– Она заплатила мне за молчание.

– Подумайте хорошенько, доктор, – снова вмешиваюсь я. – Назовите хотя бы одну причину, по которой мы не должны арестовать вас за пособничество в нелегальной торговле модификациями.

– Я думаю, это как-то связано с ребятами из «Панцирь Б», – выпаливает Найзл. – У них есть всё необходимое для обслуживания сложных механоидов именно такого типа. К тому же медсёстры шептались, что Адха познакомилась и общалась в коридорах клиники с кем-то из военных. По времени это совпадает со странными изменениями в её поведении.

– Это всё?

– Да. Клянусь, что не знаю большего. Я просто врач...

В его глазах ясно виден неподдельный испуг, и потому мы с напарником молча идём к выходу. Кажется, доктор действительно больше ничего не знает о происхождении нелегальных модификаций Адхи.

– Какие будут распоряжения касательно арестованного? – интересуется один из жандармов, стоящих на карауле у дверей.

– Под домашний арест. Охранять тщательно. Допросить весь персонал и выяснить, с кем именно из военных общалась Адха, – отвечаю я им, одновременно доставая коммуникатор, на который пришло сообщение.

Ирна давно не отвечала, и я надеялся, что это письмо от неё, но... увы, нет.

– Что дальше? Родители фиссы Цинлиф? – спрашивает Киван, пока мы ищем выход из клиники.

– Не выйдет, – отвечаю я. – Только что сообщили: полтора часа назад сгорел их дом. Внутри обнаружены два тела. Вероятнее всего, это и есть родители фиссы. Ушедшую незадолго до пожара в магазин служанку сейчас допрашивают в жандармерии, но она в шоке и твердит, что ничего не знает. Других свидетелей нет.

– Этого следовало ожидать, – Киван хмурится, но даже это умудряется сделать как-то невозмутимо. – Тебя беспокоит что-то ещё?

– Скоро вечер, а жена написала мне всего три раза. Вроде бы нужно радоваться, но всё же... Ладно, отставить гражданские проблемы, давай думать, гений, с какого бока нам зайти к командованию «Панцирь Б»? Спецотряд всё-таки, а не забегаловка.

– Есть у меня одна мыслишка... – подмигивает мне напарник, доставая коммуникатор.

* * *

Спустя час мы с Киваном подъезжаем к казармам, где расквартирован «Панцирь Б». Идти без прикрытия в логово потенциальных заговорщиков – дело рискованное. Поэтому мы взяли с собой Харта, который по происхождению был тарсапом, а по должности – водителем нашего штатного мобиля. После завоевания Тарсы местных жителей стали завозить на Шенор. У них отличное умение чувствовать опасность, даже несмотря на то что бойцы они никакие, ибо трусы. Со временем, вдали от родной планеты способности тарсапов неизбежно ослабевают, потому их меняют каждые два года. И Харт как раз из новеньких. Так что геройства от такого прикрытия ждать бессмысленно, зато как сигнализация он очень пригодится. Конечно, за нас отомстят в случае чего, но настроения это не прибавляет.

– Откуда ты знаешь, что ему можно доверять?

– Эрни – ветеран нескольких войн, – отвечает мне напарник, что-то читая в коммуникаторе. – И самое главное, он – доброволец. Его ранения позволяли обойтись без радикальных решений, но он предпочёл стать полным механоидом, лишь бы быстрее вернуться в строй. К сожалению, пока Эрни привыкал к своему новому телу, война закончилась. До лучших времён его оставили инструктором в тренировочном центре, так он там и закрепился.

– Но ведь не в этом основная причина доверия?

– Разумеется. Мы вместе проходили учебку. Потом меня распределили в разведку, а Эрни попал в десант. К слову, он служил во взводе самого Анзора, одного из героев битвы за Налгорс, ключевого сражения в войне на Тарсе.

– Герои тоже покупаются и продаются, – парирую я.

– Я бы тоже не доверял тем, кто нападал на беззащитных фермеров, – язвит обычно молчаливый Харт.

– Во-во, – поддакиваю ему я.

– Сато, ты зануда, – беззлобно скалится Киван, убрав в карман коммуникатор. – У меня нет других связей в «Панцирь Б». Такая причина тебя устроит?

– Такая – да, хотя доверия к Эрни она не добавила. Харт, останови за углом, прямо к воротам подъезжать не надо. Опасность чувствуешь?

Тарсап в ответ отрицательно качает головой.

Показав удостоверения, мы проходим через КПП и сразу ощущаем, как напряглись дневальные. В казарме повисает гробовая тишина, а из толпы на первый взгляд одинаковых бойцов в «драгунах», снимая шлем, выходит молодой улыбчивый шенорианин.

– Я ждал тебя, Киван, – голос сразу выдал весельчака, разрядив обстановку.

– Привет, Эрни, – мой напарник пожимает стальную руку. – Есть минутка поговорить?

– Для тебя всегда есть, только пойдём куда-нибудь, где поменьше ушей. – Эрни на секунду теряет свою улыбку.

– Без проблем.

* * *

«Милая, не молчи, ты пугаешь меня», – пишу я Ирне, пока мои спутники обсуждают интересующий нас вопрос. Её долгое молчание действительно странно, непонятно и... беспокоит!

– Значит, слухи уже расплозились? – спрашивает Киван у Эрни, одним глазом рассматривая симпатичную официантку – пожалуй, единственное достойное украшение серой невзрачной забегаловки. Честно говоря, я рад, что они не решили остаться в казармах, а ушли в ближайшее кафе, это хорошо стыковалось с моим планом.

– Очень быстро. Мы узнали в течение часа, и с того момента я всё ждал твоего приезда, – Эрни с безразличным видом потягивает специальный коктейль для механоидов.

– Тогда я перейду сразу к делу. Были у кого-либо из отряда контакты с Адхой Цинлиф?

– Да, были. Только не из моего взвода. И вообще не из действующих бойцов.

– В смысле? – удивляется Киван.

– У нас есть отдельное подразделение – взвод отторженцев, или просто ВО. Это бойцы, у которых есть проблемы с адаптацией имплантов. Тело отвергает механизмы, и они начинают гнить в своих скафандрах заживо. Их переводят в этот взвод, но что в нём происходит, не известно никому, это абсолютно секретная информация.

Моему удивлению нет предела. Целый взвод механоидов, о котором не известно даже Девятому отделу! Я тут же достаю коммуникатор и начинаю проверять эту информацию.

– Она встречалась с кем-то из ВО?

– Да. Около года назад, как раз в моё дежурство у казарм объявилась фаворитка короля и интересовалась на КПП, где ей найти Торха Лирдена. А его, я точно знал, на днях перевели после обследования в отторженцы. Наш командир тогда позвал фиссу к себе, долго беседовал, больше она не приходила. Незадолго до этого сам Торх хвастался, что в «Элитпротезе» на том самом обследовании, которое его забракowało, познакомился с красивой девчонкой. Они просто разговорились, сидя в коридоре, пока ждали результаты анализов. Бедолага даже не понял поначалу, как высоко замахнулся.

– Какой именно командир? Ты говоришь о генерале Кюде? – Да, о нём.

– Так, стоп, – вмешиваюсь я. – Я только что проверил структуру «Панцирь Б», в нём нет никакого ВО, и Торх Лирден числится умершим от рака мозга уже почти год. Я использовал максимальный уровень доступа, так что всё это очень странно.

– Официально все бойцы ВО списаны в запас и «умерли». Командир утверждал, что это делается специально, дабы их случайно не привлекли к боевым действиям вместе со здоровыми ребятами.

– Понятно, – я откладываю коммуникатор в сторону и смотрю на Эрни. – Только не обижайся, но тебе ближайшие несколько часов в казармы лучше не возвращаться.

– Что случилось? – напрягается Киван, которого я не посвятил в свой план.

– Как ты думаешь, Эрни, – начинаю я издалека, – командованию «Панцирь Б» уже доложили, что ты ушёл с нами?

– Среди моих ребят крыс нет! – гордо отрезает солдат. – Хотя за тех, что дежурили на КПП, я отвечать не могу. Другой взвод.

– Отлично. Извини, но весь наш разговор транслировался в Третий отдел. И только что мне написал полковник Дилхел. Группа захвата уже выходит на позиции, через несколько минут начнётся штурм ваших казарм. Возможно, это единственный шанс не дать вашему командиру уничтожить улики, если они ещё остались. Глупо было этот шанс не использовать.

– Вас понял, – Эрни поник. Мне даже стало стыдно за то, что я сделал, не предупредив ни его, ни напарника. – Неужели всё настолько серьёзно?

– Боюсь, да, Эрни...

Словно в подтверждение моих слов, мимо окон кафе, выходящих в магистральный тоннель, пронесли два броневика.

– Погуляй где-нибудь. Скажи своим, что провёл полдня в допросной. А нам пора.

Я действительно тороплюсь. Ирна уже третий час не отвечает на мои сообщения, и это настолько необычно, что я решаю забежать домой проверить, всё ли в порядке, а заодно и пообедать с женой. Обычно я только ужинаю, так что ей будет приятно.

По мере приближения к дому тревога нарастает. Мы с Ирной вместе уже два года, и она никогда не игнорировала мои сообщения. Напротив, понимая опасность моей работы, регулярно писала и всегда с нетерпением ждала ответа. А тут молчание. И не ответила на звонок.

Даже поступившая информация об успешном захвате казарм силами спецназа жандармерии не сняла ощущения близкой беды. Тем более что сам генерал Кюд застрелился прямо перед тем, как в его кабинет ворвался спецназ. Но следствию всё равно будет над чем поработать, интересных бумаг у него было обнаружено в достатке, да и кое-кто из сержантов явно знал о загадочном ВО побольше, чем Эрни.

Я жил в Зелёном городе – это элитный район, расположенный в огромной естественной пещере. Её нижнюю часть занимал парк с магистралями для транспорта по периметру, а в стены ярусами были врезаны дома, количество которых менялось в зависимости от высоты свода. На моём ярусе их было четыре, и я жил на третьем.

– Гм... Мне что-то не по себе, – выдыхает Харт, когда мы въезжаем на пандус, ведущий к моему ярусу.

– Опасность живая или неживая? – уточняю я. Это действительно важно, трусливый тарсап мог среагировать даже на прогнившую ступеньку.

– То-то и оно, – в глазах бедолаги читается неподдельный ужас. – Я не понимаю. Вообще.

– Механоид? – скорее утверждает, чем спрашивает Киван. Мы с ним уже видели такую реакцию другого тарсапа, во время расследования того самого дела сумасшедшего из «Панциря Б», устроившего бойню в доме бывшей девушки.

– Согласен, – старательно отгоняя панические мысли, киваю я. – Харт, паркуй мобиль аккуратно, так, чтобы нас не было видно от дверей. Останешься внутри, при первом же подозрении вызывай подмогу, понял?

– Так точно, – рапортует тарсап, обрадованный тем, что не придётся лезть в пекло.

В задней части мобиля есть вместительный багажник, где всегда лежат три комплекта лёгкой брони, целый арсенал гранат и кое-какое ручное оружие. Быстро надев броню, мы прихватываем по рельсовой винтовке. Киван распахивает по карманам десятков стандартных гранат и парализующий пистолет-станнер, а я – сапёрный щуп, броню, предназначенную для Харта, и пару гранат-многоножек. Это жуткое оружие получило своё название за десяток тонких ног, которые выбрасываются после активации. Граната сама определяет ближайший подвижный источник металла, прыгает на него и, зацепившись, прожигает кумулятивной струёй слой металла толщиной с руку. Против лёгкой техники и экзоброни это оружие идеально.

Мы с Киваном замерли по обе стороны от входной двери. Встроенные в шлемы визоры показывали, что на первом этаже всего один живой объект, и, судя по массе металла, это точно не Ирна. Второй этаж было не просветить, но вряд ли враги смогли перебросить сюда большой отряд механоидов, а будь здесь ещё и полностью живые, наш тарсап среагировал бы иначе. К счастью, приёмы силового проникновения в типовые дома Шенора отработаны у нас ещё с учебки и регулярно повторяются на полигоне, поскольку даже комиссарам иногда приходится брать врага собственноручно, не дожидаясь оперативников. Как сейчас...

– Действуем по тактике «засвет», только сразу без взрывчатки, – скомандовал я напарнику. – Побольше дыма, а дальше по ситуации.

– Вас понял, комиссар, – сосредоточенно кивает Киван. Чувствуется, что ему не терпится размять косточки.

– Три, два, раз... Пошли!

В следующее мгновение Киван распахивает дверь, а я выставляю в проём прицепленную на сапёрный щуп броню Харта. Не проходит и секунды, как внутри раздаются приглушённые хлопки рельсовой винтовки, а щуп чуть не вырывается у меня из рук. Одновременно Киван швыряет туда дымовую гранату и начинает поливать помещение ответной очередью. На мгновение противник замирает, и я со всей силы закидываю броню внутрь. Забежав следом, стреляю куда-то в направлении противоположной стены, точно зная, что справа от двери у нас стальной стол, который враги вряд ли заморочились убрать. Ирна всегда хотела вместо него деревянный, но сейчас я просто счастлив, что настоял на своём.

С ходу опрокидываю стол, продолжая стрелять, пока Киван так же, короткой перебежкой, швырнув по пути в глубь помещения вторую дымовую гранату, перемещается ко мне за стол. Других надёжных укрытий в прихожей всё равно нет. Встроенный в шлем визор вычерчивает в темноте фигуру в «драгуне», укрывающуюся от моих пуль за лестницей, ведущей на второй этаж. Значит, всё-таки решил сделать ответный ход.

Магазин уже почти на нуле, и потому Киван швыряет через стол ещё одну дымовую гранату. Помещение затягивает практически непроглядный дым, и теперь вся надежда на то, что солдат в «драгуне» хуже слышит, чем мы, и, что самое главное, намного громче ходит. Несколько секунд кажутся мне вечностью, но затем я всё же слышу чёткие мерные шаги со стороны лестницы. Аккуратно активировав гранату-многоножку, я катнул её по полу в сторону врага.

Короткая очередь – видимо, «драгун» пытается подбить гранату. Нечеловеческий вопль... Вспышка, высветившая контур скафандра, из всех сочленений которого бьёт пламя. Наконец, звук падения на пол чего-то тяжёлого.

Я осторожно ползу к домовому терминалу, который управляет охраной и пожаротушением. Как я и думал, он обесточен, поэтому переключаю его на резервный источник питания. Когда включается свет и запускается система дымоудаления, мы можем рассмотреть поле боя.

Похоже, враг действительно один. Видимо, весь расчёт был на внезапность.

– Оставь, потом личность установят, – я брезгливо смотрю, как Киван пытается стянуть с головы поверженного противника шлем. Все мои мысли только о жене. Сейчас, когда мы уже оказались внутри, визоры просветили второй этаж: там никого нет.

И всё же я быстро поднимаюсь на второй этаж, чтобы быть уверенным... В чём? Что мою жену похитили? Или она вообще мертва...

Во рту моментально становится сухо. Вернувшись назад, я наливаю прямо из-под крана стакан воды. Залпом его осушив, слышу удивлённое:

– Опа! – Киван абсолютно круглыми глазами рассматривает лицо под шлемом, который всё же ухитрился снять. И оно... Оно хоть и обгоревшее, но женское! Природа не наделила эту особу избыточной красотой, но ошибиться сложно.

– Да уж. Вторая женщина-механоид за день. И обе смертницы, – ошарашенно констатирую я.

– Ровно на две больше, чем за всю мою карьеру, – бормочет напарник. – Что за ловелас убедил их стать убийцами, хотел бы я знать?

– Вы живы там? – из коммуникатора слышится голос Харта. – Всё как-то зловеще затихло...

– Живы, – отвечаю ему я.

– Ну и замечательно. Оперативная группа прибудет через пять минут.

* * *

– И что вы хотели этим доказать? А главное, кому? И что, если бы вас пристрелили? Начинать следствие заново? – полковник Дилхел лично приехал к моему дому и сейчас распекает за ребячество, пока криминалисты осматривают место боя.

– Мы опасались, что преступник уйдёт, – пытается оправдаться Киван.

– Куда? Пара часов засады – и надоело? Да вы тут могли армию собрать, она бы вас там ещё ждала.

– Моя жена пропала, – бурчу я, обеспокоенный её отсутствием.

– Нашли? Я так понимаю – нет. Герои, дихол вас раздери. Что стоило подождать лишние пять минут? Тем более сам захват вы провели крайне непрофессионально. Убили первого настоящего свидетеля в деле, а то и одного из подозреваемых. Была бы тут твоя жена, Сато, ты бы и её угробил. Выключи эмоции и вспомни, что сначала ты комиссар и только потом муж. Ещё один такой выкрутас, и вы оба будете отстранены с понижением, понятно?

– Так точно! – отвечаем хором. Формально полковник не наш начальник, но он начальник Третьего отдела, а это значит, что его приказы может отменить только король.

– На ваше счастье, у меня есть для вас сюрприз. И не один, – подозрительно резко подобрел полковник. – Во-первых, мы выяснили, кто ваша таинственная убийца в «драгуне». Её звали Гурин Лирден, и она двоюродная сестра Торха Лирдена. Того самого, информация о котором проскочила в разговоре с сержантом Эрни. Гурин состояла в гильдии ассистенток и числится пропавшей без вести ещё с операции на Тарсе.

Гильдия ассистенток – та ещё организация. Одна из проблем Шенора, на котором мало мужчин, не в последнюю очередь из-за постоянных войн. Множество девушек, в основном бедных, так и остаются никому не нужными до самой смерти. Именно их, зачастую потерявших смысл жизни, и набирают в гильдию ассистенток. Ассистентки выполняют на войне часть опасной работы, например разминирование, а также работают в тыловых службах поварами, швеями и санитарками. Есть у них и другие функции, о которых, как правило, предпочитают не говорить.

– Значит, она тоже получила сильное ранение и была упакована в «драгуна»?

Похоже, подпольно модифицированных девушек на Шеноре даже не две и не три.

– Именно. И это далеко не самое интересное. Слушая... Подслушивая ваш разговор, я подумал, что «Панцирь Б» всего лишь прикрытие для создания за счёт ВО чьей-то частной армии. Но обнаруженная у генерала Кюда информация показала, что всё ещё сложнее. Это ВО прикрытие для куда более масштабного проекта, с незамысловатым названием «Панцирь Ф».

– Неужели они...

– Именно. В чью-то умную голову пришла идея, что абсолютно не важен пол калеки, которого запихали в «драгуна», – это никак не влияет на боевые характеристики, даже внешне не отличить. Мы проверили статистику потерь по Тарсе: за время войны без вести пропало более четырёхсот ассистенток. И это при том, что обычно они работают не за линией фронта.

– Ого, – не выдерживает Киван. – Такого точно не ожидал никто.

– На Тарсе шла минная война, – размышляю я вслух. – Семьдесят процентов ранений – повреждения спины и ног. Кто-то подсутился и записал часть раненых ассистенток в пропавшие без вести. Кто-то очень, очень властный.

– Весьма значительную часть, скажу я вам, – поправляет меня полковник.

– Вы уже знаете, куда ведут ниточки?

– Боюсь, что на самый верх. Только веских доказательств нет. Но, даже если просто рассуждать логически, выгоднее всего смерть монарха наследному принцу. Всегда. К тому же именно он когда-то подкинул отцу саму идею создания гильдии ассистенток.

У Трезена три сына, и прямым наследником, разумеется, является старший – кронпринц Аркос Реш ви'Дланс, кстати, он химик по специализации. Ходили упорные слухи, что сам король хотел бы видеть наследником среднего сына – принца Плэга Реш ви'Дланса. Младший же, принц Орнор Реш ви'Дланс, ещё был несовершеннолетним, потому как претендент не рассматривался.

– Завтра официально объявят о смерти короля от болезни. Через неделю на трон взойдёт Аркос, так что у нас мало времени, – хмурится полковник. – И на сладкое: специалисты в лаборатории смогли разобраться, как была устроена бомба и почему не сработали датчики дворца. Честно говоря – это гениально. Фисса Цинлиф ходила в платье, подаренном ей её тайным возлюбленным – Торхом Лирденом. Оно было окрашено в золотисто-зелёный цвет, который так нравился королю, веществом под названием диметиламин. Само по себе в дозах, необходимых для придания оттенка ткани, оно безвредно и действительно используется в нашей текстильной промышленности. Но после добавления к нему соединения азота с кислородом превращается в тетрил – мощную бризантную взрывчатку. Устройство, собранное заговорщиками и имплантированное в ничего не подозревавшую девушку, просто содержало в себе все эти вещества по отдельности. Анализ при проверке не выявил ничего подозрительного, уж азота с кислородом в любом живом существе навалом, а диметиламин в одежде подозрений не вызвал. Эта же проверка стала триггером для бомбы. Через пару минут после входа во дворец внутри Адхи началась реакция, создавшая тетрил. А как только у неё учащённо забилося сердце, – а это происходило всегда, когда её обнимал король, – раздался взрыв. Вряд ли такой сложный план разработал сам Торх, наверняка он тоже был пешкой. Но те, кто за ним стоят, досконально изучили своих жертв.

– Это всё хорошо, полковник, но всё же зачем им моя жена? – я всё ещё не могу ясно рассуждать, беспокойство за Ирну перебивает остальные мысли.

– Шантажировать тебя, конечно же, – спокойно отвечает Дилхел. – У Кивана жены нет, потому на него так не повлияешь. Это страховка на случай, если убийца даст осечку.

– Но откуда они узнали, что расследование поручили мне?

– Утечка информации. Займёмся этим позже, сейчас самое важное, в том числе для жизни твоей жены, – найти их базу, она не может быть очень далеко отсюда. По имеющейся у нас информации, Адха никуда и никогда надолго не уезжала. Следовательно, место, где её модифицировали, либо в городе, либо на его границе. Я переслал вам обоим информацию, обнаруженную в кабинете генерала Кюда. Неизвестно зачем, но он хранил всё. Возможно, держал как компромат. Мои аналитики тоже работают, но у них много разных задач, к тому же обнаруженные улики не ограничиваются перепиской. Возможно, у вас быстрее получится вычислить это место. Только не надо соваться туда без группы поддержки, понятно?

– Так точно, полковник!

* * *

Мне бы выспаться, да только мой разгромленный дом опечатан жандармерией, а в голове что угодно, кроме сна. Все мысли заняты Ирной и её судьбой. Моё сознание сосредотачивается лишь на одном желании – найти всех, кто был причастен к исчезновению моей жены, и... Ладно, не об этом сейчас нужно думать.

Выкинув из головы весь «эмоциональный мусор», я в четвёртый раз сажусь перечитывать переписку Торха и Адхи. Карта на столе в моём рабочем кабинете уже вся изрисована кружочками, которые обозначают места их встреч, и стрелочками на предполагаемых маршрутах движения. Они всегда были различными, но какая-то система должна присутствовать! Обязана! Где бы эти двое не пересекались, далее они шли в одно и то же место, именуемое «наш уголок». Во всяком случае, так следовало из текста переписки.

Первое письмо, скорее всего, было написано в тот день, когда Адха приходила к казармам и попала на глаза Эрни. Это было даже не письмо, а скорее коротенькая записка, аккуратно выведенная каллиграфическим почерком:

«Уважаемый Торх, это ваша случайная знакомая из клиники. Пользуясь любезностью вашего командира, хотелось бы передать, что крайне счастлива была бы увидеть вас и закончить наш увлекательный разговор».

Видимо, вместе с ней она передала идентификатор своего коммуникатора, потому что дальнейшая переписка представляла из себя распечатку электронных писем. Ответ Торха гласил:

«Без проблем, очаровательная незнакомка, я с удовольствием продолжу наше общение. Приходи в любой день в девять часов вечера к кафе “Дробилка”, что на углу у текстильной фабрики».

Далее следовало несколько коротких сообщений с уточнениями времени встречи, и в конечном итоге оно было сдвинуто на десять часов вечера. Я проверил: действительно, согласно записям дворцовой стражи, в тот день фисса Цинлиф ушла с танцев раньше обычного, при этом всё равно имея в запасе почти три часа. Следовательно, планировала заехать домой и переодеться.

Неизвестно, чем закончилась их встреча, но следующее письмо Адха написала только через три дня:

«Милый друг, я поняла, как сильно мне не хватает тех слов, что я услышала от тебя в твоём уголке. Я многое обдумала и действительно хочу, чтобы он стал нашим. Я помню всё, что ты мне говорил об аккуратности, потому предлагаю встретиться прямо сегодня, в то же время. На этот раз в кафе “Ржавая пуля”, что у центральной магистрали города».

Итак, встреча в кафе «Дробилка» почему-то вызвала у них разговоры об осторожности.

Жандармы уже проверили это заведение, даже стены ультразвуком на наличие полостей исследовали, ничего подозрительного не нашли. Значит, что бы ни насторожило эту парочку, с самим кафе это связано лишь косвенно. Скорее всего, они боялись того, что всплывёт место, куда они пошли после. Следовательно, оно в шаговой доступности.

Однако и тут есть проблема: «Дробилка» находится в промзоне, всевозможные мастерские окружают её плотным кольцом. Проверять их все – года не хватит, не то что пары дней. Даже если обыскать лишь те из них, что расположены ближе к центральной магистрали, ведь наверняка они из «Ржавой пули» направились в ту же точку, это всё равно полторы сотни объектов. Да ещё и при условии, что они действительно находились на территории промзоны, а не в ряду заброшенных зданий, чуть далее к границе города. Но как раз те места сейчас активно прочёсывала жандармерия.

Возвращаясь к письмам, вижу, что там снова наступило молчание длительностью в несколько дней, затем сообщение от Торха:

«Извини, я был неправ. Человек может страдать не только от того, насколько сильно он зависит от проклятых железяк. Если ты позволишь мне всё исправить, предлагаю то же место, назови лишь время».

Похоже, между ними произошла ссора, и она окончилась примирением, так как Адха ответила:

«Нет, это я была права. Как я, фаворитка короля, с лучшими протезами на планете, могла решить, что это сравнимо с заточением в стальную банку? Наверное, я потеряла часть человечности вместе с ногами. Я удивлена, как ты умудряешься быть человеком, хотя тебя заменили почти полностью. Возможно, лучшие бы меня тоже полностью переделали в куклу – не осталось бы дурацких эмоций. Меня ведь никто и никогда не любил по-настоящему, даже король. Они все любили мои ноги, мою грацию, всё то, что создано руками других мужчин, а не то, что я сама из себя представляю. Лишь ты меня понял. Я же так нелепо тебя

оттолкнула. Предлагаю сегодня пойти в “Огненный коктейль”. Тем более что он тоже отвечает всем требованиям. Скучаю по нашему уголку, жди меня в обычное время».

«Огненный коктейль» – элитный ресторан, просто так туда никого не пускают, но фисса Цинлиф действительно снимала там приватную комнату, о чём сохранилась запись. Но главное, это заведение хоть и находилось рядом с пресловутой промзоной, но с противоположной стороны от центральной магистрали. Так что зона поиска снова расширилась.

Отношения между любовниками явно наладились. Теперь они переписывались почти каждый день, но сообщения по-прежнему шифровали. Адха регулярно интересовалась здоровьем родственников Торха, а он здоровьем её родственников. Когда требовалось назвать точно время и место, сообщение выглядело примерно так: *«Мои родители встретились с друзьями у “Весёлой косиножки” в девять тридцать»*. Они чередовали с десятком заведений, никогда не встречаясь дважды подряд в одном и том же, но все места были раскиданы в пределах одной и той же промзоны. С какого-то момента Торх начал интересоваться здоровьем Адхи непосредственно, а также её «ощущениями». Видимо, именно тогда ей начали ставить те самые нелегальные модификации. Адха каждый раз отвечала, что всё хорошо, и просила поблагодарить «швею». Так продолжалось более полугода, затем их контакты стали более редкими. За пару недель до взрыва Адха написала особенно интересное письмо:

«Я больше так не могу. Наш уголок становится слишком мнящим, это настоящая пытка. Он давно заметил, что я уже не такая, как раньше, но молчит. Я больше не могу ему улыбаться, но вынуждена делать это, принимая подарки. Никогда ещё не чувствовала себя такой лицемеркой. Он всё ещё думает, что меня всегда можно будет купить. Спроси швею, сможет ли она сшить мне стальное сердце, чтобы пережить всё это? Я снова хочу стать куклой, как была раньше. Зачем ты подарил мне эмоции? Эти чувства – самое желанное и самое страшное, что происходило со мной в жизни».

После этого они ещё четырежды назначали свидания по обычной схеме – последнее, за сутки до взрыва, а между третьим и четвёртым Торх написал: *«Сердце почти готово, швея старалась»*.

Итак, ключ ко всему – личность некой «швеи». Но где её искать?

Я в очередной раз окидываю взглядом карту промзоны, четверть территории которой занимает текстильная фабрика, а остальные три четверти – сотни, если не тысячи мелких мастерских...

Стоп! А почему я так заикливаюсь на идее, что это мелкая подпольная мастерская? Дилхел сказал, что пропало порядка четырехсот девушек. Всем им нужно где-то проживать, а для превращения в механоидов требуются немалые производственные мощности. Как ни крути, но в районе только один объект, отвечающий этим требованиям, – сама текстильная фабрика. Да и диметиламина, который был использован при производстве бомбы, там просто цистерны... Плюс позывной «швея»! Видимо, Адха боялась запутаться в более сложных прозвищах и взяла то, что имело прямую аналогию.

Вскочив с кресла, я едва ли не врезаюсь в дверь – так резко рванул на выход. Но всё же останавливаюсь, заставляю себя вернуться за стол и взяться за инфобазу.

Нужно выяснить, кому принадлежит фабрика. Полковнику потребуются веские аргументы, чтобы вломиться группой захвата на работающее производство, тем более что оно изготовляет сорок процентов всей военной формы для армии Шенора. В случае неудачи убытки будут колоссальные, у кого-то полетят погоны, а то и кресла.

Распутав цепочку из нескольких юридических лиц, я всё же нахожу истинного владельца: «Фонд снабжения больниц медицинскими халатами», принадлежащий лично кронпринцу Аркосу Реш ви'Длансу!

Вот теперь я беру в руки коммуникатор и связываюсь с полковником Дилхелом.

* * *

На наших глазах, отряд за отрядом, спецназ исчезает за дверьми ангара. Внутри идёт беспорядочная стрельба – похоже, заговорщики не были готовы к тому, что их так быстро раскроют. Внешняя охрана не оказала сопротивления, и передовые отряды спецназа жандармерии с лёгкостью проникли на территорию, а в первом же цеху рабочие, моментально смекнувшие, что к чему, указали на один из производственных ангарах, у которого была своя электрическая подстанция. Именно там спецназ столкнулся с сопротивлением бойцов ВО.

– Я буду всё отрицать и валить на тебя, комиссар, – добродушно хмыкнув, полковник похлопывает меня по плечу, доказывая – настроение у него приподнятое.

Он, едва я выдал ему информацию, моментально понял: сто к одному, что я прав. И недоумевал, что расследование вообще с ходу не пошло по этому пути, – столь очевидным сейчас казалось расположение базы противника.

– Вам нужно это видеть! Сюда! – раздаётся в наушниках.

Мы с напарником и полковником следом за очередным отрядом спецназа вбегаем в ангар.

Зрелище, представшее нашим глазам, действительно ужасает. По всему ангару расставлено около двухсот капсул, некоторые из них разрушены при штурме, но большинство цело. Подойдя к ближайшей, мы заглядываем через стекло: внутри девушка лет тридцати, с ампутированными конечностями и встроенной искусственной системой жизнеобеспечения. Видимо, она, как и другие несчастные, ждёт в этой капсуле заточения в «драгуна».

С противоположной стороны ангара – казармы механоидов. И именно там, где очаг наиболее жёсткого сопротивления, сосредоточилась большая часть спецназа.

– Нам удалось взять языка, – снова слышится голос в наушниках. – Какую-то новую девушку привезли вчера, в данный момент она в операционной.

Немая сцена между мной и полковником длится всего пару секунд. В итоге он тыкает в меня пальцем, и вместе с Киваном и ближайшей группой бойцов я несусь в сторону операционной. О её местоположении нам уже известно от всё тех же местных рабочих.

Как бы мне не хотелось быть первым, но спецназ, как всегда, быстрее. К тому моменту, как я вбегаю в операционную, там уже всё закончилось: охранник с прожжённой кумулятивным зарядом грудью лежит у стенки, а оба хирурга – на полу, со скрученными руками. Моя жена сидит на столе и рыдает – с неё как раз снимают ремни, удерживавшие на хирургической койке.

– Ирна! – я бросаюсь обнимать жену.

– Сато! – всхлипывает она сквозь слёзы, уткнувшись в мой бронежилет. – Сато, ты жив? Они сказали... Сказали, что ты мёртв и что я скоро тебя забуду. Говорили, что я всё забуду, что горечь уйдёт и я буду счастлива. Просто всегда счастлива. Они столько всего говорили... Мне страшно, Сато, страшно...

– Всё хорошо, всё позади. Скоро бой закончится, и мы всех их накажем. Никто у меня больше тебя не заберёт, слышишь? Никто!

– Сато, – новый всхлип, потому что мне никак не успокоить жену. – Может, ты бросишь эту работу и мы уедем отсюда? Навсегда.

– Мы обязательно это обсудим, но потом. Сначала нужно всё тут закончить. Успокойся, всё позади.

– Сато, мы тут поймали кое-что интересное, срочно подойди, – теперь в наушниках слышен голос Кивана.

Не без труда убедив жену подождать меня в служебном мобиле и передав её нашим бойцам, я направляюсь в комнату, похожую на место для отдыха хирургов-потрошителей. Здесь явно была жестокая перестрелка: вся мебель разнесена в щепки, освещение горит только

чудом, на полу лежат несколько мёртвых бойцов ВО. Хотя нет, один ещё живой. Взрывом ему перебило механические ноги и повредило механику управления в целом, но повреждения не критические. Спецназ снял с него шлем, и мне он напоминает механического червя, извивающегося на полу в попытках куда-то уползти. Присмотревшись к лицу, я быстро припоминаю, что видел его недавно в одном из досье: Торх Лирден, собственной персоной.

– Комиссар, – ухмыляется он, увидев мои знаки различия и перестав корчиться. – Я узнал тебя, даже несмотря на шлем. С момента смерти Гурина я ждал этой встречи, но всё же иначе представлял её себе.

– Зачем? Зачем всё это?

– Ты не понял? Что ещё ждать от тупого мешка с мясом и костями. Мы должны были стать будущим Шенора. Четыреста мужчин и четыреста женщин, представителей новой расы, расы настоящих механоидов. Вы пытаетесь уничтожить единственный шанс Шенора выжить и занять то место во вселенной, которое принадлежит ему по праву. Мы были бы идеальны: одинаковые тела, мысли... Венцы творения!

– И на эту чушь купилась Адха? – удивляюсь я.

– Адха была лишь наивной дуручкой, слепо верящей в любые идеалы, что отличались от её повседневной жизни, – хрипло смеётся Торх. – Таким, как она, нет места в нашем новом мире. Нам нужны настоящие воины. Но свою роль она выполнила великолепно. А главное – позволила мне приподняться в этой структуре. Моё знакомство с Адхой сделало меня очень важным элементом плана.

Во мне начинает закипать ярость. Неужели этот мерзкий тип действительно использовал ни в чём неповинную девушку? И как она вообще... Ай, ладно, это уже неважно.

– Тогда следующий вопрос: для чего похитили мою жену? – я чеканю каждое слово, рука сама периодически тянется к рукояти рельсового пистолета. Но Торх явно не слышит стальных ноток в моём голосе.

– Видишь ли, она показалась мне симпатичной, когда мы смотрели твоё досье. Дворцовая стража моментально доложила генералу Кюду, кому отдали дело, у него везде свои люди. Ну и я решил сделать её одной из избранных, моей фавориткой.

– Ты псих, – цежу я сквозь зубы.

– Я так не думаю. Скоро новый король объявит нам всем амнистию, и я снова завладею Ирной. А ты сядешь в тюрьму за нападение на королевскую собственность. Наш план восторжествует, мы новая...

В глазах становится настолько темно от ярости, что я прихожу в себя уже на полу, со скрученными за спиной руками. И лишь после этого понимаю: выстрелил в подонка не меньше пяти раз, прежде чем меня самого скрутил спецназ.

– Зря я тебя позвал, моё упущение, извини, – голос Кивана доносится словно издалека. – Отпустите его ребята, уже всё кончено. Все ведь видели, что Торх Лирден погиб ещё во время перестрелки, а Сато тут вообще не было?

Спецназовцы молча кивают, а я, поднимаясь с пола, отряхиваюсь.

– Ничего, – бормочу растерянно. – Всё равно ему грозил расстрел после суда. Меня беспокоит другое: что будет с девушками в колбах? У них забрали прежнюю жизнь, а теперь заберут ещё и надежду на новую.

– Боюсь, это не нам решать, – невесело вздыхает мой напарник.

* * *

Спецназ выстраивается у дверей кабинета кронпринца Аркоса Реш ви'Дланса, а я вместе с напарником, начальником стражи Псорном ви'Длансом и принцем Плэгом Реш ви'Длансом

участвую в процедуре задержания виновника смерти короля Трезена. Кабинет Аркоса располагается как раз над Малым залом, где вчера произошёл взрыв. Какое-то роковое совпадение.

– В этом есть что-то зловещее: история закончится там же, где и началась, – подтверждая, что не я один так думаю, едва слышно шепчет мне Киван.

Сейчас все стараются действовать бесшумно. Хотя, мне кажется, эта предосторожность бессмысленна: у кронпринца фаворитка – тарсапка, она уже давно должна чувствовать беду.

– Я зайду с поднятой рукой, – инструктирует Плэг. – Если она опустится, независимо от ситуации, в которой это произойдёт, стреляйте на поражение во всех, кто там окажется, если только я ранее не отменю этот приказ лично. Мой брат очень живуч и хорошо разбирается во взрывотехнике. Как бы он чего не устроил напоследок. Все всё поняли? Тогда пошли!

Спецназ распахивает двери, и кабинет кронпринца моментально наполняется вооружёнными людьми.

Аркос, стоящий спиной к двери, рассматривает портрет своего отца на стене. Рядом с ним та самая тарсапка, что второй год не отходит от наследника ни на шаг.

– Вы понимаете, что это измена? – кронпринц кажется абсолютно спокойным. Настолько, что я неожиданно осознаю, что даже ему завидую, вспоминая недавнюю ситуацию с Торхом. Мне нужно ещё много тренироваться, чтобы оставаться хладнокровным в подобной ситуации.

– Брат, я задам тебе ровно один вопрос, – говорит Плэг. – Почему? Почему ты решил убить нашего отца? Неужели действительно из-за бредней кучки поехавших крышей механоидов?

– Конечно же, нет, они такой же инструмент, как и все вы, не более.

– Тогда почему?

– Ты не понимаешь? Брат, оглянись вокруг, что ты видишь? Пещеры, скалы, камни... неужели тебе никогда не хотелось жить иначе? Смотреть на небо, деревья, море? Неужели ты действительно считаешь это поганое подземелье достойным для своей жизни местом?

– А где же то самое, достойное?

Аркос ласково улыбается насмерть перепуганной тарсапке, которая не может понять, куда ей деваться, ибо повсюду сейчас ощущает гибель.

– В космосе есть множество мест куда красивее. Ты ведь был на Тарсе? Видел, что мы сотворили с этим цветущим краем?

– Всего лишь обложили данью, – принц Плэг краснеет от злости, но руку не опускает. – Ты легко мог прилететь туда в любой момент, не становясь отцеубийцей.

– Прилететь туда как очередной узурпатор? Как мой отец, который всю жизнь только и делал, что воевал? Зачем мне это, когда я мог появиться как избавитель. Став королём, я вывел бы войска с Тарсы, затем передал тебе власть здесь и улетел бы править туда. Жил бы себе припеваючи со своей фавориткой на вершине самого высокого дерева и любовался рассветами и закатами. Всё это ты решил забрать у меня, брат, лишь бы прийти к власти чуть-чуть пораньше. И ты ещё смеешь меня судить?

– Ты безумец. Так и знал, что нужно было гнать от тебя эту тарсапскую шваль. Посмотри, во что ты превратился: убил родного отца ради смазливой мордашки. Или десятка смазливых мордашек, чего они тебе там наобещали?

– Нет, это ты безумец, если действительно хочешь считать эту планету своим домом, а тупорылых вояк – своим народом.

Медленно отступающий к своему столу кронпринц внезапно делает резкий рывок... И падает замертво: за мгновение до этого будущий король Шенора Плэг Реш ви'Дланс опустил руку.

– Что происходит? Кто стрелял? – Вошедший в каюту империанин напряжённо вслушивается в стихающий отзвук выстрела, а я торопливо выключаю технику, ругая себя на чём свет стоит. Увлеклась! Обо всём забыла! Будто это не я пряталась под лестницей пару часов назад, рискуя ради спасения сенсации.

– Никто не стрелял. Это фильм, – пожимаю плечами, пряча вильюер в карман халата.

– Развлекаешься? – удивлённо хмыкает мой невольный спаситель. – Успокоилась? Быстро. Я думал, пару суток истерить будешь. И каюту мне затопишь слезами.

– Потому ты меня на замок закрыл? Чтобы потоп локализовать? – смеюсь я, отчего-то вместо раздражения испытываю совсем иное – лёгкость и спокойствие.

– Да нет, в общем-то, – заметно теряется империанин. – Просто по привычке. Я никогда не оставляю каюту открытой.

– У тебя тут что-то ценное? – мгновенно наостряю ушки.

– У меня тут целый капитан транспортника и его вещи, – с наигранной серьёзностью раскрывается мне «страшная тайна».

Ух! Мне так повезло? Он – капитан? И если я убедительно его попрошу, то... То скроюсь от своих преследователей! И никто меня не найдёт! Нужно лишь аргументы подобрать. А какой для мужчины может быть довод весомее, чем... привязка! Да, нет её у меня, но он-то об этом не знает! И вообще, я этого империанина так целеустремлённо лапала, что усомниться ему будет сложно. Да он и сам уклониться не пытался.

– Я сменную одежду принёс. Размер должен подойти, – тем временем хозяин каюты протягивает мне запечатанный пакет. – Переодевайся, отведу тебя обратно на станцию.

– Ой... Э-м-м... – я тут же смущённо опускаю глаза в пол и, чувственно вздохнув, ненавязчиво так интересуюсь: – А это обязательно? На станцию? Может... Я бы... И вообще...

– Разве ты не ждёшь посадки на лайнер?

– Нет. – Заигрывающе стрельнув глазами, нерешительно признаюсь: – Я вас жду. Сердцу же не прикажешь...

– Когда же ты успела-то? – ошарашенно буркнув, он задумывается и неожиданно резко принимается... раздеваться!

– Что? Прямо сейчас? Вот так сразу? – я в шоке смотрю на его действия, а когда мужчина в недоумении замирает, вынужденно говоря единственное, что остаётся: – Ну хоть фильм сначала давайте вместе посмотрим...

Евгения Шагурова
Сдавайся

Евгения Шагурова

Сдавайся

Вдох, выдох. Вдох...

Ритмичный шум пробудил, заставив ощутить рядом чьё-то присутствие. Напрячься, в попытке понять, где я и с кем, а мгновением позже выдохнуть с облегчением. Осторожно развернувшись, уткнуться носом в мужскую грудь и с удовольствием вдохнуть такой желанный и приятный аромат.

Счастье... Моё переменчивое счастье... Да, сейчас оно наполняет моё тело и душу, но через пару дней всё изменится, точно знаю. Это происходит постоянно. Раз за разом. С той же регулярностью, с которой я обещаю себе больше подобного не допускать. Однако снова и снова попадаюсь в хитросплетённые любовные сети настойчивого мужчины, а потом уже просто-напросто не могу остановиться.

«Миркус, Миркус, что же нам с тобой делать? – мысленно взываю к спящему. – Ведь так больше продолжаться не может. Какой-то замкнутый круг, из которого нет выхода. Точнее, он есть, но тебе не нужен. Тебя всё устраивает. Чего совсем не скажешь обо мне».

Словно услышав мои мысли, мужчина открывает глаза, улыбается и сонно бормочет:

– Привет. Уже проснулась?

– Мир, давай улетим отсюда. Прошу. Умоляю. Только ты и я. Прямо сейчас, – выпаливаю, опустив приветствие.

– Ты же знаешь, мы не можем, – в ответ раздаётся тяжёлый вздох. – Я не имею права так поступить с твоим братом.

– Вот именно! Ты! – возмущаюсь, выбираясь из мужских объятий, и вскакиваю с кровати. – А я? Обо мне хоть кто-нибудь думает?

– Мы все думаем. О твоей безопасности.

– Только это вас и интересует, – фыркаю недовольно, натягивая на себя комбинезон.

– Ты наша принцесса, Триния.

– Наслышана, – раздражаюсь всё сильнее.

– погоди, ты куда? – кажется только сейчас поверив, что я действительно намерена уйти, встревоженно интересуется мужчина.

– По делам. У принцессы их знаешь сколько?! – кидаю через плечо, прежде чем дверь каюты закрывается, отделяя меня от ночного гостя.

В коридоре тускло горит свет, периодически подмигивая из-за перепадов напряжения. Быстро иду по широкому проходу в столовую с репликаторами. Первое, что надо успеть сделать, – позавтракать. Чуть позже в этом старом заброшенном дрейфующем крейсере, что уже пару лет как стал нам, двадцати семи отщепенцам, новым домом, все проснутся и будет не до этого. Придётся забыть о себе, чтобы прожить ещё один непростой день в беспроглядном, чёрном и совсем не дружелюбном, впрочем как и остальной мир, космосе.

* * *

– Дихол! Папа! Нельзя же так подкрадываться, – выпаливаю и вздрагиваю на выходе из кабины репликатора, поскольку никак не рассчитываю увидеть поджидающего меня отца.

– Прости, если напугал, – извиняется родитель, сканируя меня взглядом с головы до ног и обратно. – Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да вроде, – пожимаю плечами, не совсем понимая, куда он клонит. – А что?

– Пойдём, разговор есть.

Папа резко разворачивается и идёт прочь, уверенный, что я без возражений последую за ним. Собственно, я это и делаю, мысленно перебирая варианты, какого рода беседа предстоит. А что ещё мне остаётся?

– Так в чём дело? – интересуюсь, не выдержав, стоит двери каюты главного отщепенца на этом крейсере закрыться за моей спиной.

– Мне бы тоже хотелось это знать, – отзывается отец. – Поэтому спрашиваю ещё раз. Триния, у тебя точно всё хорошо? Ничего не болит, не беспокоит?

– Кажется, я поняла, к чему ты клонишь. Но я правда в порядке, пап. Не волнуйся, – заверяю, сразу вспомнив маму и то, как безобидно началась её болезнь.

Сначала редкие, причиняющие лёгкий дискомфорт головные боли постепенно превратились в куда более частые и яростные спазмы. Одни утверждали, что это вирус. Другие – просто нервное напряжение, которое вскоре само сойдёт на нет. Но выздоровления так и не наступило. Состояние мамы стремительно ухудшалось, пока не привело к её безвременной кончине.

Вторую жену папа тоже потерял рано. Правда, уже по другой причине. Во время одной из вылазок за продовольствием её серьёзно ранили. Нужных медикаментов, чтобы остановить кровотечение и обработать рану, на корабле не нашлось. К моменту их возвращения на крейсер женщина уже едва дышала. Кажется, от забвения её удерживало лишь одно – острое желание успеть ещё хоть раз повидаться с сыном и приёмной дочерью. Мать Влата прониклась ко мне симпатией с первых минут знакомства и потому относилась едва ли не лучше, чем к собственному ребёнку. Она нередко ставила меня в пример сводному брату, что ему, естественно, не больно-то и нравилось. Мужчина злился, часто обижался, может, даже ревновал. Однако, к его чести, ни разу слова мне плохого не сказал. А после кончины матери, последним желанием которой стало, чтобы мы заботились друг о друге, на пару с отцом принялся опекать меня с удвоенной силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.